

ДУЭЛЬ ПУШКИНА С ДАНТЕСОМ-ГЕККЕРЕНОМ*

Подлинное военно-судное дело 1837 года

МИНИСТЕРСТВА ВОЕННОГО
ДЕПАРТАМЕНТА АУДИТОРИАТСКОГО
Отделения 4
Стола 1
№ 16

По отношению командующего Отдельным Гвардейским корпусом, с препровождением на ревизию военно-судного дела о поручике Кавалергардского Ее Величества полка бароне Де-Геккерене и состоящем при С.-Петербургской Инженерной команде по строительной морской части инженер-подполковнике Данзасе, сужденных по Высочайшему повелению: Геккерен — за произведенную им 27 января 1837 года с камер-юнкером двора Его Императорского Величества Александром Пушкиным дуэль с причинением ему, Пушкину, раны, от коей он вскоре умер, а Данзас — за бытность при той дуэли со стороны Пушкина секундантом.

Началось 11 марта 1837.
Кончено 18 марта 1837.

На 234 листах
4 отдел

* Публикуется по первому изданию: Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. / Состав, предисл. П. фон Кауфмана. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900. Документы публикуются с сохранением отдельных особенностей норм правописания, присущих российскому судебно-следственному производству эпохи Николая I; пунктуация максимально приближена к современным нормам; заведомые опечатки и разночтения в написании имен и фамилий исправлены по умолчанию.

*Командующий Отдельным Гвардейским корпусом —
в Аудиториатский департамент Военного министерства*

11 марта 1837 г.

№ 307

Представленное ко мне по команде военно-судное дело о поручике Кавалергардского Ее Императорского Величества полка бароне Геккерене и инженер-подполковнике Данзасе, при сем с выпискою, сентенциею, мнениями: полкового и бригадного командиров, начальника дивизии, командира Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса и моим и запискою о прикосновенности к сему делу лиц иностранного посольства, препровождая в Аудиториатский департамент, имею честь уведомить, что при ревизии сего дела в штабе Гвардейского корпуса замечены упущения: 1) что не спрошена по обстоятельствам, в деле значущимся, жена умершего камергера Пушкина; 2) не истребованы к делу записки к ней поручика барона Геккерена, которые, между прочим, были начальною причиною раздражения Пушкина; 3) не взято надлежащего засвидетельствования о причине смерти камергера Пушкина и 4) что не истребован был в суд особый переводчик для перевода писем и записок с французского языка, а сделаны те переводы самими членами суда с многими ошибками; по чему, хотя бы и следовало возвратить означенное дело для изъясненных пополнений, но как главные преступления подсудимых достаточно объясняются, то, дабы не замедлить в дальнейшем его представлении, я решился препроводить оное в таком виде, в каком есть.

Генерал-адъютант *Бистром I*

Начальник штаба генерал-адъютант *Веймарн*

*Мнение командира
Кавалергардского Ее Величества полка*

Рассмотрев представленное ко мне при рапорте комиссии военного суда, учрежденной при лейб-гвардии Конном полку, от 24 февраля, за № 12, военно-судное дело, произведенное по Высочайшему Государя Императора повелению над поручиком вверенного мне Кавалергардского Ее Величества полка бароном Де-Геккереном, камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным и инженер-подполковником Данзасом, сужденными: первые двое

за произведенную между ними 27-го минувшего генваря дуэль, а последний за нахождение при оной секундантом (на которой Пушкин, будучи тяжело ранен, умер еще до открытия суда). По делу сему и по собранному судом сведениям оказывается: что подсудимый, поручик барон Де-Геккерен, в опровержение взведенного на него Пушкиным подозрения относительно оскорбления чести жены его, никаких доказательств к оправданию своему представить не мог, равномерно за смертью Пушкина и судом не открыто прямой причины, побудившей Пушкина подозревать барона Де-Геккерена в нарушении семейного спокойствия; но, между прочим, из ответов самого подсудимого, барона Де Геккерена, видно, что он к жене покойного Пушкина, прежде нежели был женихом, посылал довольно часто книги и театральные билеты при коротких записках, в числе оных были такие (как он сознается), коих выражения могли возбудить Пушкина щекотливость как мужа.

Я, соображая вышеписанное, нахожу, что последнее сознание поручика барона Де-Геккерена есть уже причина, побудившая Пушкина иметь к нему подозрение, и, вероятно, обстоятельство сие заставило Пушкина очернить барона Де-Геккерена в письме к отцу его, нидерландскому посланнику барону Де-Геккерену, а вместе с тем и насчет сего последнего коснуться к выражению оскорбительных слов. Военный суд, обвиняя подсудимого, поручика барона Де-Геккерена, за дуэль, воспрещенную законами, и в нанесении Пушкину раны, от коей он умер, на основании законов приговорил как его, барона Де-Геккерена, так и секунданта, бывшего со стороны умершего Пушкина, инженер-подполковника Данзаса, к виселице. Но я, применяясь к монаршему Государя Императора милосердию, простирающемуся ко всем впадшим в преступление, и принимая во уважение молодые его, поручика барона Де-Геккерена, лета, и то обстоятельство, что он, будучи движим чувствами сына защищать честь оскорбленного отца своего (хотя сему, быть может, сам был причиною), и чрез то имел несчастье подпасть под строгий и справедливый гнев правосудия, за каковой поступок мнением моим полагаю: лишив его, поручика барона Де-Геккерена, всех прав российского дворянина, разжаловать в рядовые с определением в дальние гарнизоны на службу. Подполковника же Данзаса, — коему предстоял еще случай прекратить таковую дуэль донесением по начальству, но он сего не исполнил и тем допустил совершиться оной и самому убийству, — хотя следовало бы и его подвергнуть равному наказанию, но, принимая во уважение долговременную и беспорочную сего штаб-офицера службу, бытность его в походах и полученной во время сражения противу турок пулею раны, не лишая его дворянства, по лишению орденов и золотой полусабли с надписью «За храбрость», разжаловать в рядовые впредь до выслуги с определением в армейские полки. В прочем сие мнение и

участь подсудимых имею честь предать на благорассуждение и решение высшей власти.

Заключено в С.-Петербурге февраля 27-го дня 1837 года.
Свиты Его Величества генерал-майор *Гринвальд*

*Мнение командующего 1-й гвардейской кирасирской бригадой
генерал-майора барона Мейендорфа*

Рассмотрев военно-судное дело о поручике бароне Де Геккерене, камергере Двора Его Императорского Величества Пушкине и инженер-подполковнике Данзасе, я нахожу виновным Геккерена в производстве с Пушкиным дуэли, в причинении ему самой смерти, за что он по строгости воинского Сухопутного устава, артикула 139, подлежит и сам смерти, но соображаясь с милосердием Государя Императора ко всем впадшим в преступление, я полагал бы достаточным, лишив его чинов и дворянства, разжаловать в рядовые без выслуги и потом определить в Кавказский Отдельный корпус. Подсудимый же подполковник Данзас, судя по важности дела, в которое он вмешался, справедливо заслуживал бы понести определенное вышеизъясненным законом наказание, но, принимая во уважение, что он вовлечен был в сие сколько из уважения к Пушкину, с коим, по собственному его чистосердечному пред судом объяснению, видно имел товарищество и дружбу с детства, <a> также то, что он прежде служил беспорочно, был в походах и получил рану, я полагал бы выдержать в крепости, в каземате, шесть месяцев, с строгим после того подтверждением, чтобы при подобных случаях ссору старался прекратить миролюбиво. Относительно подсудимого Пушкина, подлежавшего наказанию в равной степени с поручиком Геккереном, суждение за смертью его оставить. В прочем сие мое мнение и участь подсудимых имею честь предать на благорассуждение и решение высшей власти.

Заключено в С.-Петербурге февраля 28-го дня 1837 года.
Свиты Его Императорского Величества
генерал-майор барон *Мейендорф*

*Мнение начальника Гвардейской кирасирской дивизии
генерал-адъютанта графа Апраксина*

Рассмотрев представленное ко мне по команде военно-судное дело, произведенное по Высочайшему повелению над поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Д'Геккерен<ом>,

камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным и инженер-подполковником Данзасом, сужденными за происшедшую между первыми двумя 27-го числа прошлого генваря месяца дуэль, на которой камергер Пушкин был смертельно ранен и уже помер, а подполковник Данзас находился секундантом, — я нахожу, что хотя по случаю смерти Пушкина и отъезда за границу графа Д'Аршиака, бывшего секундантом со стороны Геккерена, невозможно открыть во всей подробности причин сего поединка, но по соображении следственного дела, равно документов и ответных пунктов подсудимых открывается:

1) Что еще в ноябре месяце 1836 года камергер Пушкин, считая себя обиженным дерзким обращением с его женою поручика барона Геккерен<а>, вызвал его на поединок; вызов этот был принят Геккереном, но Пушкин, узнав о намерении Геккерена жениться на его свояченице, девице Гончаровой, сам от такового поединка письменно отказался. Подсудимый барон Геккерен показывает, что этот вызов был без причины, но в ответах своих сам сознается, что некоторые из его коротких писем к жене Пушкина, писанные при доставлении к ней книг или театральных билетов, могли возбудить его щекотливость как мужа, следовательно не отклоняет ничем подозрений Пушкина.

2) По показанию барона Геккерена, с этого самого дня прерваны были между ними все сношения кроме учтивостей; по показанию же подполковника Данзаса оказывается, что Пушкин объяснял при нем графу Д'Аршиаку, что Геккерен даже после своей свадьбы не переставал дерзким обхождением с женою его, с которою встречался только в обществе, давать повод к усиленно мнения поносительного как для чести Пушкина, так и жены его. Для приведения сего в ясность следовало бы спросить удостоверительных сведений у жены камергера Пушкина, но как сего военно-судною комиссиею не сделано, то сие остается на усмотрение начальства.

3) Сверх того, Пушкин имел подозрение на нидерландского посланника барона Д'Геккерен<а> в сочинении полученных им обидных писем без подписи и в распространении слухов, касающихся до оскорбления чести жены его; он писал 26-го числа прошлого генваря к нидерландскому посланнику письмо, коим описывая неприличные поступки его сына <и> вместе с тем в обидных выражениях изъяснялся о самом посланнике. Следствием сего был вызов на дуэль со стороны поручика Геккерена.

4) Самый поединок совершился 27 генваря, на коем камергер Пушкин получил смертельную рану в грудь, от которой после умер, а Геккерен слабо ранен в руку и теперь находится под арестом.

Соображая все вышеизложенное, я нахожу сентенцию военного суда, коею она осудила поручика барона Геккерена и подполковника Данзаса, первого за произведение поединка, строжайше законами

воспрещенного и, наконец, самой смерти камергеру Пушкину, а последнего за нахождение его при дуэли и не объявлении об оной правительству, подлежащими в силу 139-го и 140 артикулов Воинского сухопутного устава — казни виселицею — правильным; но сообщаясь с монаршим Государя Императора милосердием, мнением моим полагаю: поручика барона Геккерена, лишив чинов и дворянства, разжаловать в рядовые впредь до отличной выслуги, а инженер-подполковника Данзаса, который введен был в сие дело внезапно и который имел надежду и первым желанием помирить противников, равно принимая в соображение его девятнадцатилетнюю отличную службу, нахождение в войнах с персианами и турками и полученную им в сей последней рану, полагаю достаточным, не лишая кровию его заслуженных почестей, продержать в крепости четыре месяца и потом обратить по-прежнему на службу Его Императорского Величества; впрочем, сие мнение мое и участь подсудимых имею честь представить на благоусмотрение и решение высшей власти.

Заключено в С.-Петербурге марта 3-го дня 1837 года.

Генерал-адъютант *гр<аф> Апраксин*

*Мнение командира Гвардейского кавалерийского корпуса
генерал-лейтенанта Кнорринга*

Рассмотрев военно-судное дело, произведенное по Высочайшему повелению над поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Де-Геккереном за учиненный им поединок с камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным, и над инженер-подполковником Данзасом за нахождение его при оном поединке со стороны Пушкина секундантом, я нахожу:

1) Неудовольствия Пушкина на Де-Геккерена возникли еще в ноябре месяце прошлого 1836 года. вследствие коих он вызывал его в том же месяце на поединок, от коего, однако ж, сам отказался, как видно из письма его от 17 ноября к чиновнику французского посольства виконту Д'Аршиаку; ибо Пушкин стороною узнал, что Де-Геккерен решился жениться на свояченице его, фрейлине Гончаровой. Настоящей же причины одного вызова, за смертию Пушкина, хотя совершенно не открыто, но, судя по показанию Де-Геккерена, что он, имея с Пушкиным семейное знакомство, «посылал иногда жене его книги и театральные билеты при своих записках, кои, вероятно, могли возбудить его щекотливость как мужа», есть основание к заключению, что Пушкин вызывал Де-Геккерена на поединок по подозрению его в дерзком обращении с его женою; каковое подозрение не переставал он на него иметь и тогда, когда Де-Геккерен вступил в брак с его свояченицею.

2) Из показания инженер-подполковника Данзаса видно, что Пушкин 27-го прошлого генваря, в присутствии секунданта со стороны Де-Геккерена — виконта Д'Аршиака, объявлял ему, что г<оспода> Геккерены — сын и отец, посланник нидерландский, даже после оной свадьбы не преставали дерзким обращением с женою его в обществах давать повод к усилению мнения, поносительного для его чести и <честь его> жены; сверх того, присылаемы были к нему безымянные письма, относящиеся также к оскорблению их чести, в присылке коих Пушкин также подозревал г<оспод> Де-Геккеренов, чего, однако ж, следствием и судом не открыто, и подсудимый Де-Геккерен в том не признался. Сама же г<оспо>жа Пушкина по сему предмету совсем не была спрошена.

3) Камергер Пушкин, питая таким образом свое негодование к г<осподам> Геккеренам, написал 26-го прошлого генваря письмо прямо к отцу подсудимого, нидерландскому посланнику барону Де-Геккерену, в коем, описывая неприличные поступки его сына относительно к жене своей, в оскорбительных выражениях изъяснялся и о самом посланнике, каковое письмо и было поводом Де-Геккерену вызвать Пушкина на поединок, который и был произведен в 5-м часу пополудни 27-го прошлого генваря; и на оном первый смертельно ранен в грудь, а второй легко в правую руку.

4) Секундантами при оном поединке находились: со стороны Пушкина — инженер-подполковник Данзас, а со стороны Де-Геккерена — чиновник французского посольства, как выше упомянуто, виконт Д'Аршиак, который отправился за границу; сверх того о сем поединке, равно и о вызове на первый, был известен отец подсудимого, вышеупомянутый нидерландский посланник.

По соображении всего вышеизложенного, хотя подсудимый поручик барон Де-Геккерен за произведенный им с камергером Пушкиным поединок и причиненную смертельную рану подлежит, на основании статей 352, 332, 82 и 173 Свода уголовных законов, строгому наказанию, но в уважение того, что он решился на таковое строго законом запрещенное действие, будучи движим чувствованиями сына к защищению чести оскорбленного отца, я мнением моим полагаю разжаловать его в рядовые впредь до отличной выслуги, с преданием церковному покаянию, выдержав притом в крепости шесть месяцев в каземате. Равномерному подлежал бы наказанию и камергер Пушкин, если бы оставался в живых.

Что же касается до находившегося при оном поединке со стороны Пушкина секундantom инженер-подполковника Данзаса, который оказывается виновным в недонесении о том начальству, то за сие, на основании статьи 354 помянутого свода, хотя он также подлежит строгому наказанию, но в уважение того, что он предварительно не знал об этом поединке и увлечен был к тому 27-го генваря Пушкиным

нечаянно, притом намерение его было примирить соперников, в чем, однако ж, с виконтом Д'Аршиаком они не <пре>успели; равно и в уважение его девятнадцатилетней отличной и беспорочной службы, бытия в походах и сражениях против персиан и турок и полученной раны, — я полагаю, согласно с мнением начальника дивизии генерал-адъютанта графа Апраксина, оштрафовать его содержанием в крепости четыре месяца на гауптвахте и потом обратить по-прежнему на службу.

В прочем таковое мнение мое предаю на благоусмотрение высшей власти.

6 марта 1837 года, С.-Петербург
Генерал-лейтенант *Кнорринг*

Мнение командующего Отдельным Гвардейским корпусом

Рассмотрев военно-судное дело о поручике Кавалергардского Ее Императорского Величества полка бароне Геккерене и инженер-подполковнике Данзасе, сужденных: первого — за произведенную им с камергером Пушкиным дуэль, а последнего — за нахождение при оной со стороны Пушкина секундантом, — я нахожу их виновными: поручика барона Геккерена — в противузаконном вызове камергера Пушкина на дуэль, нанесении ему смертельной раны и, по собственному его признанию, в раздражении Пушкина щекотливыми для него записками к жене его; а подполковника Данзаса — во-первых, в непринятии надлежащих мер или к примирению враждующих или к <пред>отвращению предположенной дуэли, тогда как, несмотря на краткость времени от извещения его о дуэли до совершения оной, он мог бы исполнить последнее, к чему обязывал его и самый закон — тем более что секундант со стороны Геккерена отрицал уже возможность примирения враждующих, и, во-вторых, в противузаконном соглашении быть секундантом. За каковые преступления я мнением моим полагаю: поручика Геккерена, лишив чинов и заслуженного им российского дворянского достоинства, определить на службу рядовым в войска Отдельного Кавказского корпуса впредь до отличной выслуги; предварительно же отправления его на Кавказ выдержать в крепости, в каземате, шесть месяцев, так как относительно его нет в виду никаких заслуживающих снисхождения обстоятельств, ибо письмо камергера Пушкина к посланнику барону Геккерену с выражениями весьма оскорбительными для чести обоих Геккеренов, при строгом воспрещении дуэли не могло давать права на таковое противузаконное самоуправие; впрочем, всякое рассуждение о сем письме без объяснения Пушкина было бы одностороннее,

в особенности если взять в соображение, что заключающаяся в том письме чрезвычайная дерзость не могла быть написана без чрезвычайной же причины, которая токмо слабо объясняется показанием подполковника Данзаса и сознанием самого поручика Геккерена, что выражения его в записках к жене Пушкина могли возродить в сем последнем щекотливость как мужа; относительно же подполковника Данзаса, принимая в уважение немаловременную усердную его службу и отличную нравственность, о которой свидетельствуется в кондуитном его списке, равно бытность в походах и неоднократных сражениях, полученную при штурме крепости Браилова рану пулею в левое плечо навывлет с раздроблением кости и заслуженные им храбростию знаки отличия, осмеливаюсь ходатайствовать монаршего милосердия: вменив ему, Данзасу, в наказание бытность под судом, выдержать сверх того под арестом в крепости на гауптвахте четыре месяца и после того обратить по-прежнему на службу; а о поступке камергера Пушкина, за смертью его, оставить без дальнейшего заключения. В прочем мнение сие и участь подсудимых предаю на Всемилоштивейшее Государя Императора благосозволение.

Заклучено в С.-Петербурге марта 11-го дня 1837 года.

Генерал-адъютант *Бистром*

Итого перенумерованных: десять листов.

Столоначальник *Иванов*

ВОЕННО-СУДНОЕ ДЕЛО

Произведенное в Комиссии военного суда, учрежденной при лейб-гвардии Конном полку, над поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Геккереном, камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным и инженер-подполковником Данзасом за произведенную первыми двумя между собою дуэль, а последний — за нахождение при оной секундантом.

Начато 3 февраля 1837 года.

Кончено 19 февраля 1837 года.

Получено 2 февраля*

№ 148

Февраля 1-го дня 1837 года

С.-Петербург

*Лейб-гвардии Конного полка господину флигель-адъютанту,
полковнику и кавалеру Бреверну*

Вследствие приказа по Отдельному Гвардейскому корпусу от 29 генваря, за № 14, Кавалергардского Ее Величества полка поручик барон Геккерен за бывшую между ним и камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным дуэль предается военному суду при вверенном мне лейб-гвардии Конном полку; вследствие чего, составляя Комиссию, назначаю ваше высокоблагородие презусом, ассесорами же: ротмистра Столыпина, штабс-ротмистра Балабина, поручиков Анненкова, Шигорина, корнетов Чичерина, Осоргина, а для производства дела аудитора Маслова; когда по учинении обряда, изображенного в воинских процессах, подсудимый поручик Геккерен как Вами, равно и избранными ассесорами и аудитором, отзовется довольным, то, по взятии с него в том подписки, судить его военным судом арестованным, на каковой предмет препровождаю подлинное предписание командующего Отдельным Гвардейским корпусом от 29-го числа минувшего генваря за № 139; и суд сей по окончании с выпискою и заключенною сентенциею представить по порядку для представления оного на рассмотрение высшему начальству.

Свиты Его Императорского Величества

генерал-майор барон *Мейендорф*

За полкового адъютанта поручик *Опочинин*

* Помета полковника Бреверна.

№ 139

29 января 1837-го

В С.-Петербурге

*Командиру Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса
господину генерал-лейтенанту и кавалеру Кноррингу*

Объявив сего числа в приказе по Отдельному Гвардейскому корпусу о предании военному суду поручика Кавалергардского Ее Императорского Величества полка барона Геккерена за бывшую между ним и камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным дуэль, предлагаю вашему превосходительству приказать суд сей учредить при л<ейб>-гв<ардии> Конном полку, презусом суда назначить флигель-адъютанта, полковника того же полка Бреверна 1-го, а ассессорами офицеров по усмотрению Вашему. Комиссии военного суда вменить в непрременную обязанность открыть, кто именно были посредниками (секундантами) при означенной дуэли и вообще кто знал и какое принимал участие в совершении или <пред>отвращении оной. Дело сие окончить сколь возможно поспешнее.

Генерал-адъютант *Бистром*

Начальник штаба генерал-адъютант *Веймарн*

№ 537

30 января 1837

Во исполнение сего предписания предлагаю г<осподину> начальнику Гвардейской кирасирской дивизии учинить надлежащее распоряжение и дело по окончании представить на рассмотрение установленным порядком.

Корпусный командир генерал-лейтенант *Кнорринг*

№ 331

31 января 1837

По содержанию предписания сего предлагаю г<осподи>ну командиру 1-ю гвардейскую кирасирскую бригадою сделать надлежащее исполнение.

Начальник дивизии

генерал-адъютант *гр<аф> Апраксин*

№ 197

1 февраля 1837

Донесение сие препровождаю в лейб-гвардии Конный полк для надлежащего исполнения.

Командующий бригадою, Свиты Его Величества
генерал-майор барон *Мейендорф*

Получено 2 февраля

№ 4

Февраля 2 дня 1837-го

С.-Петербург

*В Комиссию военного суда, учрежденную при лейб-гвардии
Конном полку над поручиком Кавалергардского
Ее Величества полка бароном Де-Геккереном*

Препровождаю при сем в оную Комиссию для руководства копию с рапорта начальника штаба Отдельного Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Веймарна к командиру Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту Кноррингу от 30 числа минувшего января, за № 28; присовокупляю к сему, что следовательно наряжен полковник Галахов.

Свиты Его Императорского Величества
генерал-майор барон *Мейендорф*
За полкового адъютанта поручик *Опочинин*

Полк<овая> канц<елярия> № 3

Получено 1 февр<аля> <1>837

Копия. Секретно

№ 28

30 января 1837 г.

В С.-Петербурге

*Командиру Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса
господину генерал-лейтенанту и кавалеру Кноррингу
начальника штаба*

рапорт

Г<осподи>н военный министр, от 29 сего января, за № 61, сообщил г<осподину> командующему Отдельным Гвардейским корпусом,

что Государь Император, по всеподданнейшему докладу Его Императорскому Величеству донесения моего о дуэли, происшедшей 27-го числа сего генваря между поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Де-Геккереном и камергером Пушкиным, Высочайше повелеть соизволил: судить военным судом как их, так равно и всех прикосновенных к сему делу, с тем, что ежели между ними окажутся лица иностранные, то, не делая им допросов и не включая в сентенцию суда, представить об них особую записку с означением токмо меры их прикосновенности.

Во исполнение сей Высочайшей воли, я по приказание г<осподина> командующего корпусом покорнейше прошу ваше превосходительство приказать сделать распоряжение, дабы предварительно военного суда произведено было, чрез особого штаб-офицера, следствие, кто именно прикосновен к означенному делу, которых (кроме иностранцев) судить военным судом в учрежденной при лейб-гвардии Конном полку Комиссии; а относительно иностранцев поступить, как Высочайше повалено. Поелику же известно, что камергер Пушкин умер, то самое следует объяснить только в приговоре суда, к какому бы он за поступки его наказанию по законам подлежал.

Об открытии прикосновенных к сему лип не оставить меня без уведомления.

Генерал-адъютант *Веймарн*

№ 8

31 генваря 1837

Для выиграния времени, препровождая донесение сие прямо к командиру л<ейб>-гв<ардии> Конного полка генерал-майору барону Мейендорфу, предлагаю привести немедленно в исполнение изложенное в оном приказание г<осподина> командующего корпусом назначением особого штаб-офицера л<ейб>-гв<ардии> Конного полка для произведения следствия, и о том, кто для сего назначен будет, прямо мне донести, а о содержании сего донесения, сообщаемого для выиграния времени мимо г<осподина> начальника дивизии, уведомить сего последнего.

Корпусный командир
генерал-лейтенант *Кнорринг*
Обер-аудитор *Тихоцкий*
С подлинным верно:
За полкового адъютанта
поручик *Опочинин*

1837 года, февраля 3-го и 9-го дней, в Комиссию военного суда, учрежденную при лейб-гвардии Конном полку, прибыли означенные судьи:

За презуса — флигель-адъютант полковник *Бреверн*
За ассессоров — ротмистр *Столыпин*,
штабс-ротмистр *Балабин*,
поручики *Анненков*, *Шигорин*,
корнеты *Чичерин*, *Осоргин*
А для производства дела — аудитор 13 класса *Маслов*.
Все из лейб-гвардии Конного полка.

Во время сего присутствия господин презус объявил, для чего собрание учинено, потом уговаривал всех обретающихся в суде, дабы при отправлении начинающегося дела напаятовали свою совесть и, что в суде случится, хранили б тайно и никому о том, кто б он ни был, не объявляли.

Презус флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

1837 года, февраля 3 дня, по Указу Его Императорского Величества, Комиссия военного суда, учрежденная при лейб-гвардии Конном полку, слушав предписания командира оною, Свиты Его Императорского Величества генерал-майора барона Мейендорфа, от 1 и 2 февраля, за №№ 148 и 4-м, из коих первым предписывает: вследствие приказа, отданного по Отдельному Гвардейскому корпусу 29 января, за № 14, Кавалергардского Ее Величества полка поручика барона Геккерена за бывшую между ним и камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным дуэль судить военным судом арестованным, на каковой предмет препроводил подлинное предписание командующего помянутым корпусом от 29-го числа минувшего января, за № 139, а при последнем препроводил копию с рапорта начальника штаба того ж корпуса господина генерал-адъютанта Веймарна к командиру Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса от 30-го числа сказанного месяца, за № 28, с приписанием Высочайшей воли, объявленной господином военным министром, а потом, дабы как поручика барона Де-Геккерена и камергера Двора Его Императорского Величества Пушкина, так равно и всех прикосновенных к сему делу, судить военным судом, с тем, что ежели между ними окажутся лица иностранные, то не делая им допросов и не включая в сентенцию военного суда, представить об них особую Записку с означением токмо меры их прикосновенности, — определила: все вышепомянутые бумаги, приобщив к делу, отнести к командиру Кавалергардского

Ее Величества <полка> и просить уведомления, где содержится под арестом подсудимый поручик барон Геккерен; если же при полку, то приказать ему явиться в присутствии Комиссии 5-го числа текущего месяца в 9 часов утра; вместе с тем доставить о службе его формулярный и кондуктный за последнее время списки, объявить ему вышепомянутое предписание, за № 148, о предании его суду, и если окажутся прикосновенные, то помянутую копию с рапорта начальника штаба, за № 28, и, на основании воинских процессов 1-й главы 12-го пункта, спросить их, не имеют ли они на кого из присутствующих и аудитора показать какого подозрения, и если не покажут и останутся ими довольными, то, взяв от них в том подписки, присутствующим учинить при них по форме судебскую присягу, а дабы подсудимые поручик барон Геккерен и инженер-подполковник Данзас (с пристойным воздержанием дело свое доносил), вкратце сделать им чрез презуса напоминание и потом, учиня, в чем следует, вопросные пункты, по оным их допросить.

Корнет Осоргин

Корнет Чичерин

Поручик Анненков

Поручик Шигорин

Штабс-ротмистр Балабин

Ротмистр Столыпин

Флигель-адъютант полковник Бреверн I

Аудитор Маслов

По сему определению писано 3 февраля за № 1.

1837 года, февраля 5-го дня, по Указу Его Императорского Величества, Комиссия военного суда, учрежденная при лейб-гвардии Конном полку, слушав отзыв командира Кавалергардского Ее Величества полка от 4-го числа того ж месяца, за № 326, с уведомлением, что подсудимый — поручик барон Геккерен считается арестованным, по случаю раны им полученной на дуэли, у себя в квартире; и предписание командира лейб-гвардии Конного полка от того ж числа и месяца, за № 5, с препровождением рапорта следователя полковника Галахова, от 3-го числа того ж месяца, за № 3, и представленных при оном показаний поручика барона Геккерена и инженер-подполковника Данзаса, — определила: вышеизложенные бумаги, приобщив к делу, отнести к старшему доктору Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса об освидетельствовании подсудимого поручика барона Геккерена, а как из бумаг, препровожденных при предписании командира полка, за № 5, усмотрела Комиссия, что секундантом

при дуэли со стороны камергера Пушкина был не принадлежащий <к> Гвардейскому корпусу инженер-подполковник Данзас, то просит его превосходительство испросить разрешения высшего начальства, может ли Комиссия требовать его прямо к суду или не благоугодно ли будет оному прежде снести с его начальством.

Корнет *Осоргин*
Корнет *Чичерин*
Поручик *Анненков*
Поручик *Шигорин*
Штабс-ротмистр *Балабин*
Ротмистр *Столыпин*
Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*
Аудитор *Маслов*

По сему определению писано 5 февраля за №№ 2 и 3.

Получено 5 февраля

№ 326
4 февраля 1837
С.-Петербург

Во исполнение сего, имею честь уведомить Военно-судную комиссию, что означенный поручик барон Де-Геккерен считается арестованным и по случаю раны, им полученной на дуэли, живет у себя на квартире на Невском проспекте в доме Влодека, под № 51. Формулярный и кондуитный списки его вслед за сим будут доставлены.

Командир полка Свиты Его Величества генерал-майор *Гринвальд*

Получено 5 февраля
Секретно

№ 5
Февраля 4-го дня 1837
С.-Петербург

*В Комиссию военного суда, учрежденную при лейб-гвардии
Конном полку над поручиком Кавалергардского
Ее Величества полка бароном Де-Геккереном*

Представленные мне наряженным для открытия прикосновенных лиц к дуэли, бывшей между поручиком Кавалергардского Ее

Величества полка бароном Де-Геккереном и камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным, — вверенного мне полка полковником Галаховым рапорт и показание г<оспод> поручика Де-Геккерена и инженер-подполковника Данзаса при сем в подлиннике в оную Комиссию препровождаю.

Свиты Его Императорского Величества
генерал-майор барон *Мейендорф*
За полкового адъютанта поручик *Опочинин*

Получено 4 февраля 1837
Секретно

№ 3
Февраля 3-го дня 1837
С.-Петербург

*Командиру лейб-гвардии Конного полка
Свиты Его Императорского Величества
господину генерал-майору и кавалеру барону Мейендорфу
оного же полка полковника Галахова*

рапорт

Вследствие предписания вашего превосходительства от 2-го числа сего февраля, за № 1, произвел я следствие, кто именно прикосновен к делу дуэли, бывшей между поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Де-Геккереном и камергером Пушкиным. По объяснениям поручика Де-Геккерена, писанного мною со слов его и им самим подписанному, и инженер-подполковника Данзаса явствует, что секундантами при дуэли были инженер-подполковник Данзас и чиновник французского посольства виконт Д'Аршиак, и что кроме сих двух лиц знал о имеющей быть дуэли между поручиком Де-Геккереном и камергером Пушкиным министр Нидерландского Двора, посланник барон Геккерен. Подлинные объяснения подполковника Данзаса и поручика Де-Геккерена при сем вашему превосходительству представить честь имею.

Полковник *Галахов*

№ 1

Февраля 3-го дня 1837

С.-Петербург

*Кавалергардского Ее Величества полка
господину поручику барону Де-Геккерену —
лейб-гвардии Конного полка полковника Галахова*

предписание

Вследствие рапорта начальника штаба Отдельного Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Веймарна к командиру Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту Кноррингу от 30-го числа минувшего генваря, за № 28, будучи наряжен предписанием командира лейб-гвардии Конного полка Свиты Его Императорского Величества генерал-майора барона Мейейдорфа от 2-го числа сего февраля, за № 1, для произведения следствия по дуэли, происшедшей между Вами и камергером Пушкиным, предлагаю вашему благородию на обороте сего объявить, точно ли Вы участвовали в сей дуэли, когда и где она происходила, какие лица и кто именно находились свидетелями при оной, и кроме них не знал еще кто-либо из посторонних лиц о имеющем быть между вами поединке, и сколь велика прикосновенность их ко сему предмету.

Полковник *Галахов*

По причине раны в правую руку г<осподин> поручик барон Де-Геккерен, будучи не в состоянии сам писать, нижеследующее показание писано с его слов:

27-го числа генваря г<осподин> поручик Де-Геккерен действительно дрался на пистолетах с камергером Пушкиным, ранил его в правый бок и был сам ранен в правую руку. Секундантами были со стороны поручика Де-Геккерена виконт Д'Аршиак, находящийся при французском посольстве, а со стороны камергера Пушкина инженер-подполковник Данзас. Поручик Де-Геккерен в тот же самый день, 27-го генваря, просил виконта Д'Аршиака быть его секундантом, который, однако ж, и прежде сего знал все сношения поручика Де-Геккерена с камергером Пушкиным, до дуэли бывшие. Место поединка было за комендантскою дачею близ Новой Деревни, в роще, куда поручик Геккерен с виконтом Д'Аршиаком отправились вместе в 4-м часу пополудни. Кроме виконта Д'Аршиака и инженер-подполковника Данзаса знал о дуэли, следующей быть между камергером Пушкиным и поручиком Де-Геккереном, один только усыновивший

его министр Нидерландского Двора, посланник барон Де-Геккерен, а более решительно никто.

Справедливость сего показания свидетельствую
поручик *барон Геккерен*

№ 2

Февраля 3-го 1837

*Господину инженер-подполковнику Данзасу —
лейб-гвардии Конного полка полковника Галахова*

предписание

Вследствие рапорта начальника штаба Отдельного Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Веймарна к командиру Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту Кноррингу от 30-го января, за № 28, наряжен будучи предписанием командира лейб-гвардии Конного полка Свиты Его Императорского Величества генерал-майора барона Мейендорфа произвести следствие по дуэли, происшедшей между г<осподином> поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Де-Геккереном и камергером Пушкиным, отбирал я сведения от поручика Геккерена об лицах, участвовавших при сей дуэли; который и показал, что Вы находились секундантом при оной со стороны камергера Пушкина, почему и предлагаю вашему высокоблагородию на сем же предписании объявить мне, действительно ли Вы находились секундантом при сем поединке, когда и где оный происходил, какие лица и кто именно, кроме Вас, находились свидетелями при оном, и, кроме секундантов, не знал ли еще кто-либо из посторонних лиц о имеющей быть между поручиком Геккереном и камергером Пушкиным дуэли, и как велика прикосновенность их к сему предмету.

Полковник *Галахов*

Февраля 3-го дня 1837 года

Вследствие предписания вашего высокоблагородия честь имею донести, что я точно был секундантом со стороны камергера Пушкина при дуэли, происшедшей между ним и лейб-гвардии Кавалергардского полка поручиком Геккереном 27 января в 5-м часу пополудни за Комендантской дачей. Кроме меня и секретаря французского

посольства виконта Д'Аршиака, бывши секундантом у поручика Геккерена, при дуэли никто не находился и, сколько мне известно, кроме присутствующих, знал о ней один только министр Нидерландского Двора барон Геккерен; но так как я узнал о дуэли в тот же самый день, и имел переговоры с виконтом Д'Аршиаком только касательно условий самой дуэли, то мне и неизвестна мера их прикосновенности по сему предмету.

Подполковник *Данзас*

Полковая канцелярия № 311
Получено 3 февраля 1837 года

№ 1

3 февраля 1837

*Командиру Кавалергардского Ее Величества полка
Свиты Его Императорского Величества господину генерал-майору и кавалеру Гринвальду — Комиссии военного суда,
учрежденной при лейб-гвардии Конном полку*

рапорт

На основании приказа, отданного по Отдельному Гвардейскому корпусу, от 29-го минувшего генваря, за № 141, вверенного вашему превосходительству полка поручика барона Геккерена за бывшую между ним и камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным дуэль командир полка г-осподин генерал-майор барон Мейендорф от 1-го числа настоящего месяца, за № 148, предписал сей Комиссии судить его военным судом арестованным.

Вследствие чего Военно-судная комиссия имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство доставить о службе подсудимого поручика барона Геккерена за последнее время формулярный и кондуктный списки, вместе с тем уведомить, где он содержится под арестом; если же при полку, то не оставить приказать ему, дабы 5-го числа сего месяца в 9 часов утра он явился в заседание оной, имеющее быть в казармах полка на квартире презуса, флигель-адъютанта полковника Бреверна.

Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*
Аудитор *Маслов*

1837 года, февраля 6-го дня, по Указу Его Императорского Величества, Комиссия военного суда, учрежденная при лейб-гвардии

Конном полку, слушав отношения командира Кавалергардского Ее Величества полка от 4 февраля, за № 330, с препровождением формулярного, о службе, и кондуктного, о достоинстве, списков о подсудимом поручике бароне Де-Геккерене; старшего доктора Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса от 5 февраля, за № 80, с уведомлением, что им предписано старшему лекарю л<ейб>-гв<ардии> Конной артиллерии немедленно освидетельствовать подсудимого поручика Геккерена, и рапорт помянутого старшего лекаря от того ж числа, за № 22, с донесением, в каком состоянии здоровья оказался подсудимый барон Геккерен по освидетельствовании его, — определила: все вышеизложенные бумаги приобщить к делу, а как из помянутого рапорта за № 22 видно, что подсудимый поручик барон Геккерен может ходить по комнате, разговаривает свободно и удовлетворительно, то для отобрания от него объяснения отправить на квартиру его двум старшим ассессорам и аудитору; что же им он объявит, доложить Комиссии.

Корнет *Осоргин*

Корнет *Чичерин*

Поручик *Анненков*

Поручик *Шигорин*

Штабс-ротмистр *Балабин*

Ротмистр *Столыпин*

Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

Аудитор *Маслов*

Получено 5-го числа фев<раля>

№ 330

Февраля 4 дня 1837

В С.-Петербурге

*В Комиссию военного суда, учрежденную при лейб-гвардии
Конном полку над поручиком бароном Де-Геккереном*

Вследствие надписи моей сего числа с № 326, сделанной на отношении оной Комиссии за № 1, имею честь при сем препроводить формулярный, о службе, и кондуктный, о достоинстве, списки о поручике вверенного мне полка бароне Де-Геккерене.

Свиты Его Величества

генерал-майор *Гринвальд*

Полковой адъютант

штабс-ротмистр *Храповицкий*

Получено 5 февраля

№ 80
5 февраля 1837 года
В С.-Петербурге

*Флигель-адъютанту Его Императорского Величества
л<ейб>-гв<ардии> Конного полка
господину полковнику и кавалеру Бревверну*

Согласно требованию Комиссии военного суда над поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Геккереном предписано мною старшему лекарю л<ейб>-г <вардии> Конной артиллерии г<осподи>ну коллежскому ассессору Стефановичу немедленно освидетельствовать г<осподина> поручика Геккерена и со всею подробностью о состоянии его здоровья сего же числа донести вашему высокоблагородию. О чем сим вас уведомить честь имею.

Старший доктор статский советник *Енохин*

Получено 5 февраля

№ 22
5 февраля 1837 года
С.-Петербург

*Лейб-гвардии Конного полка господину полковнику,
Его Императорского Величества флигель-адъютанту
и кавалеру Бревверну лейб-гвардии Конной артиллерии
штаб-лекаря коллежского ассессора Стефановича*

рапорт

Вследствие предписания старшего доктора Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса господина статского советника и кавалера Енохина, сего же числа, за № 79, мною полученного, свидетельствовал я Кавалергардского Ее Величества полка поручика барона Геккерена, почему оказалось, что поручик барон Геккерен имеет пулевую проникающую рану на правой руке ниже локтевого сустава на четыре поперечных перста; вход и выход пули в небольшом один от другого расстоянии. Обе раны находятся в сгибающих персты мышцах, окружающих лучевую кость более к наружной стороне. Раны простые, чистые, без повреждения костей и больших кровеносных сосудов. Больной может ходить по комнате, разговаривает свободно, ясно и удовлетворительно, руку носит на повязке и кроме боли

в раненом месте жалуется также на боль в правой верхней части брюха, где вылетевшая пуля причинила контузию, каковая боль обнаруживается при глубоком вдыхании, хотя наружных знаков контузии не заметно. От ранения больной имеет обыкновенную небольшую лихорадку (*febris vulnegrata*), вообще же он кажется в хорошем и надежном к выздоровлению состоянии, но точного срока к выздоровлению совершенному определить нельзя. О чем, <согласно> поданному мне предписанию, вашему высокоблагородию донести честь имею.

лейб-гвардии Конной артиллерии
штаб-лекарь коллежский асессор *Стефанович*

Клятвенное обещание

Мы, к настоящему Воинскому суду назначенные судьи, клянемся Всемогущим Богом, что мы в сем суде в прилучающих делах, ни для дружбы или склонности, ни подарков или дачей, ниже страха ради, ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитию и ответу, по Его Императорского Величества, всемилостивейшего Государя Императора воинским пунктам, правам и уставам приговаривать и осуждать хотим право и нелицемерно, так как нам ответ дать на Страшном суде Христове; в чем да поможет нам Он, Нелицемерный Судья.

У сей присяги были
корнет *Чичерин*,
корнет *Осоргин*.

При прочтении присяги находились:
флигель-адъютант полковник *Бреверн I*,
ротмистр *Столыпин*,
штабс-ротмистр *Балабнн*,
поручик *Шигорин*,
поручик *Анненков*,
аудитор *Маслов*.

К присяге приводил священник *Алексей Зиновьевский*

1837 года, февраля 6-го и 9 чисел, по определению Комиссии военного суда, учрежденной при л<ейб>-гв<ардии> Конном полку, подсудимые поручик барон Геккерен и инженер-подполковник Данзас в присутствии призываемы были и о произведении над ними военного суда повеления прочтены, причем спрашиваны: не имеют ли они на

презуса, ассессоров и аудитора какого показать подозрения и судом их будут ли довольны, в чем подписались подсудимые:

Поручик *барон Геккерен*
Инженер-подполковник *Данзас*

1837 года, февраля 6-го и 9 чисел, по силе воинских процессов, 1-й главы 13-го пункта, при подсудимых поручике бароне Геккерене и инженер-подполковнике Данзасе присутствующим (которые напредь сего неоднократно при судах уже бывали), судейская присяга для на-поминания прочтена, а ассесоры корнеты Чичерин и Осоргин к оной приведены.

Аудитор *Маслов*

1837 года, февраля 6-го и 9 чисел, на основании воинских процес-сов, 1-й главы, 14-го пункта, чтоб подсудимые поручик барон Гекке-рен с пристойным воздержанием дело свое доносили вкратце, как он, так и инженер-подполковник Данзас уговариваемы были.

Презус флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

1837 года, февраля 6-го дня, в присутствии Комиссии военного суда, учрежденной вследствие приказа, отданного по Отдельному Гвардейскому корпусу 19 генваря, за № 14, при лейб-гвардии Конном полку, подсудимый Кавалергардского Ее Величества полка поручик барон Геккерен допрошен и показал:

1

Вопрос: Как вас зовут? Сколько от роду лет, каким наукам и где обучались?

Ответ: Зовут меня Георгий, барон Де-Геккерен. От роду имею 25 лет, воспитыван я во французском королевском военном училище, в коем приготавлиян военным наукам.

2

Вопрос: Какой вы веры? И, ежели греко-российского <вероис-поведания>, то на исповеди и у святого причастия бывали ли еже-годно?

Ответ: Веры римско-католической. У святого причастия был 7 генваря сего 1837 года.

3

Вопрос: В службу Его Императорского Величества вступили вы которого года, м<еся>ца и числа из какого звания и откуда урождением? При вступлении в оную учинена ли вами на подданство России и на верность службы присяга? Имеете ли за собою, родителями или за женою недвижимое родовое или благоприобретенное имение, какое именно и где оно состоит?

Ответ: В службу Его Императорского Величества вступил я 8 февраля 1834 года из французских дворян, уроженец из Кольмор-Альзас, присяга мною учинена только на верность службы, имение имею за родителями недвижимое в Альзасе.

4

Вопрос: Во время службы какими чинами и где проходили? Напред сего не бывали ли вы за что под судом, равно и без суда <и> в каких штрафах?

Ответ: Во время нахождения моего на службе генваря 28-го 1836 года из корнетов произведен в поручики. В штрафах по суду и без оно-го равно и под арестом не бывал.

5

Вопрос: Ныне ваше благородие по предписанию командира лейб-гвардии Конного полка, Свиты Его Императорского Величества господина генерал-майора барона Мейендорфа от 1 февраля, за № 148, вследствие приказа, отданного по Отдельному Гвардейскому корпусу, от 29 минувшего генваря, за № 14, преданы суду сей Военно-судной комиссии за произведенную вами дуэль с камергером Двора Его Величества Пушкиным. Вследствие таковой обязанности Комиссия просит вас сделать объяснение в узаконенное время в том именно, за что у вас с Пушкиным произошла ссора или неудовольствие, последствием чего было настоящее происшествие, где оно совершилось, в какое время дня или ночи, означив самые часы; относительно же причин настоящего происшествия не имеете ли вы в доказательство вашего объяснения сослаться на кого-либо из свидетелей или же на какие документы, в таком случае не оставьте о первых дать подробное сведение, кто они такие и где имеют жительство, а последние, если таковые имеете при себе, представить с вашим объяснением, в противном же случае выказать, откуда таковые можно требовать?

Ответ: Дуэль учинена мною с камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным 27-го числа минувшего генваря, в 5 часов пополудни, за Выборгскою заставою, близ Новой Деревни, в роще за Комендантской дачею, на пистолетах. Причина же, побудившая меня вызвать его на оную, следующая: в ноябре м<еся>це 1836 года получил я словесный и беспричинный камергера Пушкина вызов на

дуэль, который мною был принят; спустя же некоторое время камергер Пушкин без всякого со мною объяснения словесно просил нидерландского посланника барона Де-Геккерена передать мне, что вызов свой он уничтожает, на что я не мог согласиться, потому что, приняв беспричинный вызов его на дуэль, полагал, что честь моя не позволяет мне отозваться от данного ему мною слова; тогда камергер Пушкин по требованию моему назначенному с моей стороны секунданту, находящемуся при французском посольстве гр<афу> Д'Аршиаку дал письмо, в коем объяснял, что он ошибся в поведении моем и что он более еще находит оное благородным и вовсе не оскорбительным для его чести, что соглашался повторить и словесно; с того дня я не имел с ним никаких сношений кроме учтивостей. Генваря 26-го нидерландский посланник барон Геккерен получил от камергера Пушкина оскорбительное письмо, касающееся до моей чести, которое якобы он не адресовал на мое имя единственно потому, что считает меня подлецом и <человеком> слишком низким. Все сие может подтвердиться письмами, находящимися у Его Императорского Величества.

6

Вопрос: Из отзыва вашего, данного 3-го числа сего м<еся>ца на предписании полковника лейб-гвардии Конного полка Галахова, от того ж числа, за № 1, видно, что секундантом со стороны вашей был находящийся при французском посольстве виконт Д'Аршиак, который прежде знал все сношения ваши с камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным, бывшие до дуэли, и что кроме него знал об оной дуэли усыновный министр Нидерландского двора, посланник барон Де-Геккерен. А посему имеете пояснить, какое они принимали участие в совершении или <пред>отвращении оной, равно не знал ли об оной прежде бывший секундантом у камергера Пушкина инженер-подполковник Данзас и еще кто-либо кроме него, и также какое они принимали участие в совершении или <пред>отвращении оной? Все сие ваше благородие должны показать по самой сущей справедливости <и> как наивозможно подробнее.

Ответ: Обо всем вышеобъясненном, кроме нидерландского посланника барона Де-Геккерена, получившего означенное письмо, и находящегося при французском посольстве, бывшего с моей стороны секундантом графа Д'Аршиак<а>, никто не знал. Советов к совершению или <пред>отвращению оной по случаю оскорбления меня ни от кого не принимал и прежних сношений инженер-подполковника Данзаса с камергером Пушкиным я никаких не знаю, кроме того, что только видел его на месте дуэли. К сему присовокупляю, что реляция всей учиненной нами дуэли вручена вышеупомянутым секундантом моим при отъезде его из Санкт-Петербурга камергеру князю Вяземскому, который до получения оной о имеющей быть между нами дуэли ничего не знал.

Вопросные пункты составлял аудитор
лейб-гвардии Конного полка 13-го класса *Маслов*.
К сим пунктам подсудимый, Кавалергардского
Ее Величества полка поручик *барон Де-Геккерен* руку приложил.

При сем присутствовали
флигель-адъютант полковник *Бреверн I*
ротмистр *Столыпин*
штабс-ротмистр *Балабин*
поручик *Шигорин*
поручик *Анненков*
корнет *Чичерин*
корнет *Осоргин*

1837 года, февраля 7-го дня, по указу Его Императорского Величества Комиссия военного суда, учрежденная при л<ейб>-гв<ардии> Конном полку, слушав объяснение, данное вчерашнего числа от подсудимого поручика барона Геккерена, — определила: приобщив оное к делу, просить командира полка представить по команде о всеподданнейшем испрошении у Его Императорского Величества писем, на которые подсудимый ссылается в доказательство своего объяснения; составить камергеру князю Вяземскому, в чем следует, вопросные пункты, препроводить к его начальству и просить, дабы он, по учинении противу оного объяснения, представил немедленно Комиссии вместе с подлинною реляциею о происшедшей между подсудимым поручиком бароном Геккереном и камергером Пушкиным дуэли и к старшему доктору Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса о учинении распоряжения, дабы вышепомянутый подсудимый был свидетельствуем чрез каждые два дня, и в каком положении здоровья будет находиться, доносить о том Комиссии.

Корнет *Осоргин*
Корнет *Чичерин*
Поручик *Анненков*
Поручик *Шигорин*
Штабс-ротмистр *Балабин*
Ротмистр *Столыпин*
Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*
Аудитор *Маслов*

По сему писано директору Департамента внешней торговли 6 февраля, за № 4, и старшему доктору Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса, за № 5.

1837 года, февраля 8-го дня, по указу Его Императорского Величества, Комиссия военного суда, учрежденная при лейб-гвардии Конном полку, рассуждая о невысылке в Комиссию прикосновенного к сему делу инженер-подполковника Данзаса, о коем она просила командира полка 5-го числа сего месяца, за № 3, — определила: об оном отнестись к вице-директору по Управлению инспектора Инженерного корпуса по Морской части, причем просить о доставлении формулярного и кондукитного подполковника Данзаса списков.

Корнет *Осоргин*

Корнет *Чичерин*

Поручик *Анненков*

Поручик *Шигорин*

Штабс-ротмистр *Балабин*

Ротмистр *Столыпин*

Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

Аудитор *Маслов*

По сему писано 8 февраля, за № 6.

1837 года, февраля 8-го дня, по определению Комиссии военного суда, учрежденной при лейб-гвардии Конном полку, сей вопросный пункт составлен в присутствии оной камергеру князю Вяземскому.

Вопрос: Подсудимый сей Комиссии, Кавалергардского Ее Величества полка поручик барон Де-Геккерен в объяснении своем, данном сей Комиссии, между прочим прописывает, что у вашего сиятельства имеется реляция о учиненной помянутым подсудимым с камергером Пушкиным дуэли. Вследствие чего Военно-судная комиссия просит вас объяснить в возможной скорости, откуда помянутая реляция вами взята? а если дадена, то кем, когда и на какой предмет, кто оную составлял, не имеется ли кроме оной еще каких-либо бумаг, касающихся до вышепомянутой дуэли? когда и от кого вы узнали об оной и не известно ли вам, за что именно произошла между камергером Пушкиным и поручиком бароном Де-Геккереном ссора или <случилось> неудовольствие, последствием чего было вышепомянутое происшествие? Все сие объясните, ваше сиятельство, как наивозможно подробнее, а вместе с тем не оставьте представить в Комиссию подлинником самую реляцию.

Ответ: На вопросный пункт, сделанный мне Комиссиею военного суда, учрежденной при лейб-гвардии Конном полку, имею честь

ответствовать нижеследующее: реляции о бывшей дуэли между Кавалергардского Ее Величества полка поручиком бароном Де-Геккереном и камер-юнкером Пушкиным у меня нет, но есть письмо виконта Д'Аршиака, секунданта барона Геккерена, и вот по какому поводу ко мне писанное. Не зная предварительно ничего о дуэли, про которую в первый раз услышал я вместе с известием, что Пушкин смертельно ранен, я при первой встрече моей с г<осподином> Д'Аршиаком просил его рассказать о том, что было. На сие г<осподин> Д'Аршиак вызвался изложить в письме все случившееся, прося меня при том показать письмо г<осподину> Данзасу для взаимной поверки и засвидетельствования подробностей помянутой дуэли. Между тем письмо его доставлено мне было уже по отъезде г<осподина> Д'Аршиака за границу и, следовательно, не могло быть прочтено и поверено вместе обоими свидетелями и получить в глазах моих ту достоверность, которую я желал иметь в сведениях о несчастном происшествии, лишившем меня человека столь близкого сердцу моему. Вследствие того и отдал письмо сие г<осподину> Данзасу, который возвратил мне оное с письмом от себя; прилагаю у сего то и другое. Из вышесказанных слов уже положительно усматривается, что я ничего не знал о дуэли до совершенного окончания ее, что подтверждаю и теперь. Равномерно не слышал я никогда ни от Александра Сергеевича Пушкина, ни от барона Геккерена о причинах, имевших последствием сие несчастное происшествие. При сем покорнейше прошу возвратить мне, по миновании надобности, письма сии, совершенно частные и к делу не принадлежащие.

Камергер князь *Вяземский*

8 февраля 1837

Вопросный пункт составлял аудитор *Маслов*

При сем присутствовали

Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

Ротмистр *Столыпин*

Штабс-ротмистр *Балабин*

Поручик *Шигорин*

Поручик *Анненков*

Корнет *Чичерин*

Корнет *Осоргин*

1837 года, февраля 9-го дня, по Указу Его Императорского Величества, Комиссия военного суда, учрежденная при лейб-гвардии Конном полку, слушав объяснение, данное оной камергером князем Вяземским, и приложенные два письма, писанные к нему секундантами

виконтом Д'Аршиаком на французском диалекте и инженер-подполковником Данзасом, в коем несколько строк писано на том же диалекте, отношения старшего доктора Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса, за № 82, с уведомлением о сделанном распоряжении касательно освидетельствования подсудимого поручика барона Геккерена; вице-директора по Управлению инспектора Инженерного корпуса по Морской части, за № 89, с уведомлением, что о явке к суду подполковника Данзаса им сделано распоряжение; рапорт штаб-лекаря Стефановича, за № 24, с донесением, в каком состоянии по освидетельствовании его оказался подсудимый поручик барон Геккерен; и два письма, предложенные Комиссии презусом оной, врученные ему графом Нисельродом, писанные камергером Пушкиным на французском диалекте, — определила: Все вышеозначенные бумаги, кроме четырех писем, приобщить к делу, а письма в присутствии Комиссии перевести на русской диалект и потом доложить Комиссии вновь, а вместе с тем донести командиру полка о том, в каком состоянии по освидетельствовании оказался подсудимый поручик барон Геккерен, и что письма, на кои ссылается он, получены от графа Нисельрода.

Корнет Осоргин

Корнет Чичерин

Поручик Анненков

Поручик Шигорин

Штабс-ротмистр Балабин

Ротмистр Столыпин

Флигель-адъютант полковник Бреверн I

Аудитор Маслов

По сему определению писано
командиру полка 9 февраля, за № 7.

Получено 9 февраля

№ 82

8 февраля 1837 г.

В С.-Петербурге

*Флигель-адъютанту Его Императорского Величества
л<ейб>-гв<ардии> Конного полка
господину полковнику и кавалеру Бреверну*

Распоряжение, требуемое Комиссиею военного суда, учрежденного при л<ейб>-гв<ардии> Конном полку, касательно подсудимого поручика Кавалергардского Ее Величества полка барона

Де-Геккерена, мною сделано, о чем сим, ваше высокоблагородие, уведомить честь имею.

Старший доктор статский советник *Енохин*

Получено 9 февраля

№ 89
8 февраля 1837 г.
В С.-Петербурге

*В Комиссию военного суда,
учрежденную при лейб-гвардии Конном полку*

На рапорт оной Комиссии военного суда от 8-го сего февраля, № 6, имею честь уведомить о явке подполковника Данзаса, завтрашнего 9-го числа в 11 часов, к суду, и доставления об нем формулярного и кондуктного списков с сим вместе предписано командиру С.-Петербургской Инженерной команды по морской части.

Вице-директор, инженер-генерал-майор *Бутковский*

Получено 9 февраля

№ 24
8 февраля 1837
С.-Петербург

*Комиссии военного суда, учрежденной при л<ейб>-гв<ардии>
Конном полку над поручиком бароном Де-Геккереном
л<ейб>-гв<ардии> Конной артиллерии штаб-лекаря
коллежского асессора Стефановича*

рапорт

По предписанию старшего доктора Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса господина статского советника и кавалера Енохина от 8-го сего февраля, за № 81, мною полученному, сего же числа освидетельствовав поручика Кавалергардского Ее Величества полка г<осподина> барона Де-Геккерена, кроме припухлости и чувствительности при притрагивании к раненому месту, других болезненных припадков не заметил, а потому, судя по настоящему его состоянию, полагаю, что г<осподин> поручик барон Геккерен и может содержаться на гауптвахте в особой, сухой и теплой комнате, которая

бы, следовательно, ничем не отличалась существенно в отношении к его здоровью от занимаемой им теперь квартиры.

Штаб-лекарь коллежский асессор *Стефанович*

*<Письмо Александра Пушкина виконту Д'Аршиаку,
написанное по-французски 17 ноября 1836 года>*

17 Novembre 1836

Je n'hésite pas à écrire à que je puis déclarer verbalement. J'avais provoqué M-r G. Heckern en duel, et il l'a accepté sans entrer en aucune explication. C'est moi qui prie Messieurs les témoins de cette affaire de vouloir bien regarder cette provocation comme non avenue, ayant appris par la voix publique que M-r Georges Heckern étoit décidé à déclarer ses projets de mariage avec M-lle Gontcharof, après le duel. Je n'ai nul motif d'attribuer sa résolution à des considerations indignes d'un homme de cœur.

Je vous prie Monsieur le Comte, de faire de cette lettre l'usage que vous jugerez à propos.

Agreez l'assurance de ma parfaite consideration.

A. Pouchkin

С подлинным верно:

Начальник отделения *Шмаков*

*Перевод с письма, писанного камергером Пушкиным
17 ноября 1836 года к графу Д'Аршиаку*

Я не остановлюсь писать то, что могу сказать словесно, я вызывал барона Геккерена на дуэль и он согласился без всякого объяснения; прошу свидетелей этого дела смотреть на сей вызов как не действительный, узнавши стороною, что барон Геккерен решился жениться на девице Гончаровой после дуэли.

Я не имею никаких причин приписать его согласие каким-нибудь видам недостойного благородного человека.

Прошу ваше сиятельство сделать из этого письма употребление, которое вы найдете нужным.

Примите уверение в моей совершенной преданности.

Александр Пушкин

С французского переводили
Корнет *Осоргин*
Корнет *Чичерин*
Поручик *Анненков*
Поручик *Шигорин*
Штабс-ротмистр *Балабин*
Ротмистр *Столыпин*
Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

*<Письмо Александра Пушкина
барону Луи-Борхарду де Беверваарду Геккерну,
написанное по-французски 26 января 1837 года>*

26 Janvier 1837

Monsieur le Baron!

Permettez moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de Monsieur votre fils m'étoit connue depuis longtems et ne pouvoit m'être indifférente. Je me contentois du rôle d'observateur, quitte à intervenir lorsque je le jugerois à propos. Un incident, qui dans tout autre moment, m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus les lettres anonymes. Je vis que le moment étoit venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à Monsieur votre fils — un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de lacheté et de platitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion que peut-être avoit-elle ressentie pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le dégoût le mieux mérité.

Je suis obligé d'avouer, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous n'a pas été tout-à-fait convenable. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de Monsieur votre fils. Il paroît que toute sa conduite (assez maladroite, d'ailleurs) a été dirigé par vous. C'est vous qui, probablement, lui dictiez les pauvretés qu'il venoit débiter et les niaseries qu'il s'est melé d'écrire. Semblable à une obsène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de l'amour de votre batard ou soi — disant tel; et lorsque malade de vérole, il étoit retenu chez lui, vous disiez qu'il se mouroit d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez moi mon fils.

Vous sentez bien, Monsieur le Baron, qu'après tout cela je ne puis souffrir que ma famille aye la moindre relation avec la votre. C'étoit à cette condition que j'avois consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire, et ne pas vous déshonorer aux yeux de notre cour et da la votre, comme j'eu avois le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute

encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que Monsieur votre fils après l'abjecte conduite qu'il a tenue ose adresser la parole à ma femme, ni encore moins qu'il lui débite des calembourgs de corps de garde, et joue le dévouement et la passion malheureuse tandis qu'il n'est qu'un lâche et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de m'adresser à vous, pour vous prier de mettre fin à tout cé manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerais pas.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron, votre très humble et très obéissant serviteur.

Alexandre Pouchkin

С подлинным верно:
Начальник отделения *Шмаков*

*Перевод с письма, писанного камергером Пушкиным
к барону Де-Геккерену 26 января 1837 года*

Господин барон!

Позвольте мне изложить вкратце все случившееся. Поведение вашего сына было мне давно известно и я не мог остаться равнодушным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый взяться за дело, когда почту за нужное. Случай, которой во всякую другую минуту был бы мне очень неприятным, представляя весьма счастливым, чтобы мне разделаться. Я получил безымянные письма и увидел, что настала минута, и я ею воспользовался. Остальное вы знаете. Я заставил вашего сына играть столь жалкую роль, что моя жена, удивленная такою низостию и плоскостию его, не могла удержаться от смеха, и ощущение, которое бы она могла иметь к этой сильной и высокой страсти, погасло в самом холодном презрении и заслуженном отвращении.

Я должен признаться, господин барон, что поведение собственно ваше было не совершенно прилично. Вы представитель коронованной главы, вы родительски сводничали вашему сыну, кажется, что все поведение его (довольно неловкое, впрочем) было вами руководимо. Это вы, вероятно, который внушали ему все заслуживающие жалости выходки и глупости, которые он позволил себе писать. Подобно старой развратнице, вы сторожили жену мою во всех углах, чтоб говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого «сына», и когда, большой венерической болезнью, он оставался дома, вы говорили, что он умирал от любви к ней; вы ей бормотали возвратить мне сына.

Вы согласитесь, господин барон, что после всего этого я не могу сносить, чтоб мое семейство имело малейшее сношение с вашим; с этим условием я согласился не преследовать более этого гадкого дела и не обесчестить вас в глазах вашего двора и нашего, на что я имел право и намерение. Я не забочусь, чтоб жена моя еще слушала ваши отцовские увещания, не могу позволить, чтоб сын ваш после своего отвратительного поведения осмелился бы обращаться к моей жене и еще менее того говорил ей казарменные каламбуры и играл роль преданности и несчастной страсти, тогда как он подлец и негодяй. Я вынужден обратиться <i> вас просить окончить все эти проделки, если вы хотите избежать новой огласки, пред которой я верно не отступлю.

Имею честь быть, господин барон, ваш покорный и послушный слуга.

Александр Пушкин

С французского переводили

Корнет *Осоргин*

Корнет *Чичерин*

Поручик *Анненков*

Поручик *Шигорин*

Штабс-ротмистр *Балабин*

Ротмистр *Столыпин*

Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

Письмо виконта Д'Аршиака к к<нязю> Вяземскому

Petersbourg, 1/13 fevrier 1837

Mon Prince

Vous avez désiré connaitre avec exactitude de la triste affaire dont Monsieur Danzas et moi avons été témoins. Je vais vous les exposer et vous prie de les faire approuver et signer par M-r Danzas.

C'est à quatre heures et demie que nous sommes arrivés au lieu du rendez-vous. Le vent tres violent qu'il faisait en ce moment nous força de chercher un abri dans un petit bois de sapins. La grande quantité de neige pouvant gêner les adversaires il fallut leur creuser un sillon de vingt pas au deux bouts duquel ils prirent places. Les barrières marquées par des manteaux, un pistolet remis à chacun de ces messieurs, le colonel Danzas donna le signal en levant son chapeau. M-r Pouchkine était à sa barrière presque aussitôt; le B<ar>on de Heckereen avait fait quatre des cinq pas qui le séparaient de la sienne, les deux adversaires s'appretèrent à tirer;

après quelques instans un coup partit M-r Pouchkine était blessé il le dit lui même tomba sur le manteau qui faisait la barriere et resta immobile la face contre la terre; les témoins, s'approchèrent, il se releva sur son séant et dit «attendez». L'arme qu'il tenait à la main se trouvant couverte de neige, il en prit une autre. J'aurais pu rétablir une réclamation, un signe du B<ar>on George de Heckereen m'en empêcha; M-r Pouchkine la main gauche appuyée sur la terre visa d'une main ferme, le coup partit: Immobile depuis qu'il avait tiré le B<ar>on de Heckereen était blessé et tomba de son côté.

La blessure de M-r Pouckine était trop grave pour continuer, l'affaire était terminée. Retombé après avoir tiré il eut presque immédiatement deux demi evanouissement, quelques instans de trouble dans les idées. Il reprit tout à fait sa connaissance et ne la perdit plus. Placé sur un traîneau fortement secoué pendant un trajet de plus d'une demi verste sur un chemin fort mauvais il souffrit sans se plaindre.

Le B<ar>on de Heckereen avait pu soutenu par moi regagner son traîneau on il avait attendu que le transport de son adversaire fut effectué et que je pusse l'accompagner à Petersbourg. Pendant toute cette affaire le calme, le sang froid, la dignite des deux parties ont été parfaits.

Agreez, Mon prince, l'assurance de ma haute considération.

V<icom>te d'Archiac

*Перевод с письма, писанного графом Д'Аршиаком
к князю Вяземскому*

Князь.

Вы хотели подробно знать несчастное дело, которого господин Данзас и я были свидетелями.

Я сам их представляю и прошу вас попросить подтверждения и подписи г<осподина> Данзаса. В 4½ часа прибыли мы на место свиданья; весьма сильный ветер, которой был в то время, принудил нас искать прикрытия в небольшом сосновом леску. Множество снега мешало противникам, то мы нашлись в необходимости прорыть тропинку в 20 шагах, на концах которой они встали. Когда барьеры были назначены шинелями, когда пистолеты были взяты каждым из них, то полковник Данзас дал сигнал, подняв шляпу. Пушкин в то же время был у своего барьера, когда барон Геккерен сделал 4 шага из 5-ти, которые ему оставались до своего места. Оба соперника приготовились стрелять; спустя несколько <времени> выстрел раздался. Господин Пушкин был ранен, что он сам сказал, упал на шинель, которая была вместо барьера, и остался недвижим лицом к земле. Секунданты

приблизились, он до половины приподнялся и сказал: погодите. Оружие, которое он имел в руке, было покрыто снегом; он взял другое. Я бы мог на это сделать возражение, но знак барона Жоржа Геккерена меня остановил. Г<осподин> Пушкин, опершись левою об землю, прицелил<ся> твердою рукою <и> выстрелил. Недвижим с тех пор как выстрелил, барон Геккерен, раненый, также упал.

Рана г<осподина> Пушкина была слишком сильна, чтобы продолжать <поединок>; дело было кончено. Снова упавши после выстрела, он имел раза два полуобмороки и несколько мгновений помешательства в мыслях. Он совершенно пришел в чувства и более их не терял. В санях, сильно потрясаем во время переездки более половины версты по самой дурной дороге, он мучился не жалуясь.

Будучи мною поддержан, барон Геккерен мог дойти до своих саней, в которых он ждал, пока совершалась переноска его соперника и чтобы я мог его проводить до Петербурга. В продолжение всего дела спокойствие, хладнокровие, благородство с обеих сторон были в совершенстве.

Примите, князь, уверенность в высоком моем почтении.

Виконт Д'Аршиак

Переводили с французского

Корнет *Осоргин*

Корнет *Чичерин*

Поручик *Анненков*

Поручик *Шигорин*

Штабс-ротмистр *Балабин*

Ротмистр *Столыпин*

Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

Письмо г<осподина> Данзаса к к<нязю> Вяземскому

Февраля 6-го дня 1837 года

Милостивый государь князь Петр Андреевич.

Письмо к вам г<осподина> Д'Аршиака о несчастном происшествии, которому я был свидетелем, я читал. Г<осподин> Д'Аршиак просит вас предложить мне засвидетельствовать показания его о сем предмете. Истина требует, чтобы я не пропустил без замечания некоторые неверности в рассказе г<осподина> Д'Аршиака.

Г<осподин> Д'Аршиак, объяснив, что первый выстрел был со стороны г<осподина> Геккерена и что Александр Сергеевич Пушкин

упал раненый, продолжает: «les témoins s'approchèrent, il se releva sur son seant et dit, „attendez“. L'arme qu'il tenait à la main se trouvant couverte de neige, el en prit un autre. J'aurais pu établir une réclamation, un signe du Ва<ron> George de Heckeren m'en empêcha»*. Слова Алек<сандра> Сергеев<ича>, когда он поднялся, опершись левою рукою, были следующие: «Attendez, je me sens assez de force pour donner mon coup». Тогда, действительно, я подал ему пистолет в обмен того, который был у него в руке и ствол которого набился снегом при падении раненого, но я не могу оставить без возражения заключения г<осподи>на Д'Аршиака, будто бы он имел право оспаривать обмен пистолета и был удержан в том знаком со стороны г<осподи>на Геккерена. Обмен пистолета не мог подать повода во время поединка ни к какому спору. По условию каждый из противников имел право выстрелить, пистолеты были с пистонами, следовательно, осечки быть не могло; снег, забившийся в дуло пистолета А<лександра> С<ергеевича>, усилил бы только удар выстрела, а не отвратил бы его; никакого знака ни со стороны г<осподи>на Д'Аршиака, ни со стороны г<осподи>на Геккерена подано не было. Что до меня касается, я почитаю оскорбительным для памяти Пушкина предположение, будто он стрелял в противника своего с преимуществами, на которые не имел права. Еще раз повторяю, что никакого сомнения против правильности обмена пистолета сказано не было, если б оно могло возродиться, то г<осподи>н Д'Аршиак обязан бы был объявить возражение свое и не останавливаться знаком, будто от г<осподи>на Геккерена поданным; к тому же сей последний не иначе мог бы узнать намерение г<осподи>на Д'Аршиака как тогда, когда бы и оно было выражено словами; но он их не произнес. Я отдаю полную справедливость бодрости духа, показанной во время поединка г<осподино>м Геккереном, но решительно опровергаю, чтобы он произвольно подвергнулся опасности, которую бы он мог от себя устранить. Не от него зависело не уклониться от удара своего противника после того как он свой нанес.

Для истины рассказа прибавлю также замечание на это выражение: «Immobile depuis qu'il avait tiré le Ва<ron> de Heckeren était blessé et tomba de son côté»**.

Противники шли друг на друга грудью; когда Пушкин упал, то г<осподи>н Геккерен сделал движение к нему; после слов же Пушкина, что он хочет стрелять, он возвратился на свое место, став боком и прикрыв грудь свою правою рукой. По всем другим

* Секунданты приблизились, он до половины приподнялся и сказал: погодите. Оружие, которое он имел в руке, было покрыто снегом; он взял другое. Я бы мог на это сделать возражение, но знак барона Жоржа Геккерена меня остановил. (фр.)

** Недвижим с тех пор как выстрелил, барон Геккерен, раненый, также упал. (фр.)

обстоятельствам я свидетельствую истину показаний г<осподи>на Д'Аршиака.

С истинным почтением и с совершенной преданностью
имею честь быть,
милостивый государь, вашего сиятельства покорный слуга
К. Данзас

1837 года, февраля 10 дня, по Указу Его Императорского Величества, Комиссия военного суда, учрежденная при л<ейб->гв<ардии> Конном полку, слушав переводы с писем, писанных на французском диалекте покойным камергером Пушкиным: от 17 ноября 1836 г<ода> к графу Д'Аршиаку, от 26 генваря сего года к барону Де-Геккерену, от 1 и 6 февраля — графом Д'Аршиаком и подсудимым инженер-подполковником Данзасом к князю Вяземскому, и объяснение, вчерашнего числа данное инженер-подполковником Данзасом, — определила: вышеизложенные переводы с писем вместе с подлинниками и объяснение подполковника Данзаса, приобщив к делу, от подсудимых просить объяснения: поручика барона Геккерена — в чем следует противу объяснения князя Вяземского, слушанного вчерашнего числа, и письма камергера Пушкина к барону Геккерену от 26 генваря, а инженер-подполковника Данзаса — дополнить данное им вышепомянутое объяснение, и потом все сие доложить Комиссии.

Корнет Осоргин
Корнет Чичерин
Поручик Анненков
Поручик Шигорин
Штабс-ротмистр Балабин
Ротмистр Столыпин
Флигель-адъютант полковник Бревверн I
Аудитор Маслов

1837 года, февраля 10-го дня, в присутствии Комиссии военного суда, учрежденной вследствие приказа, отданного по Отдельному Гвардейскому корпусу 19 генваря, за № 14, при л<ейб->гв<ардии> Конном полку, подсудимый Кавалергардского Ее Величества полка поручик барон Геккерен допрашиван и показал:

Вопрос: Вследствие объяснения вашего, данного 6 февраля, Комиссия просила камергера князя Вяземского сообщить ей реляцию о происшедшей между вами и камергером Двора Его Императорского

Величества Пушкиным дуэли, который отозвался, что кроме письма, писанного к нему бывшим со стороны вашей секундантом графом Д'Аршиаком при отъезде его из С.-Петербурга, ничего более не имеет. А посему объясните, не имеете ли вы каких доказательств, что вышесказанная реляция оставлена ему графом Д'Аршиаком, равно в каких выражениях заключались письма, писанные вами к г<осподи>ну Пушкину или его жене, которые в письме, писанном им к нидерландскому посланнику барону Геккерену, <он> называет дурачеством. Какие именно были условия дуэли и на чьих пистолетах стрелялись вы? Все сие имейте показать по самой сущей справедливости.

Ответ: На сей вопросный пункт Военно-судной комиссии честь имею объяснить, что реляциею о происшедшей между мною и умершим камергером Пушкиным дуэли я называю письмо, писанное секундантом моим графом Д'Аршиаком к камергеру князю Вяземскому, потому что в оном, как мне известно, описано подробно условие дуэли и всего происшедшего на месте оной, по всей справедливости. По-сылая довольно часто к г<оспо>же Пушкиной книги и театральные билеты при коротких записках, полагаю, что в числе оных находились некоторые, коих выражения могли возбудить его щекотливость как мужа, что и дало повод ему упомянуть о них в своем письме к барону Де-Геккерену от 26-го числа генваря, как <о> дурачествах, мною писанных. Пистолеты, из коих я стрелял, были вручены мне моим секундантом на месте дуэли; Пушкин же имел свои. К тому же присовокупляю, что вышепомянутые записки и билеты были мною посылаемы к г<оспо>же Пушкиной прежде, нежели я был женихом <ее сестры>.

Вопросный пункт составлял аудитор 13 класса *Маслов*.

К сему объяснению подсудимый поручик *Де-Геккерен* руку приложил.

При сем присутствовали

Корнет *Осоргин*

Корнет *Чичерин*

Поручик *Анненков*

Поручик *Шигорин*

Штабс-ротмистр *Балабин*

Ротмистр *Столыпин*

Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

1837 года, февраля 11-го дня, в присутствии Комиссии военного суда, учрежденной при лейб-гвардии Конном полку, подсудимый инженер-подполковник Данзас передопрашиван и показал:

Вопрос: В объяснении, данном вами Военно-судной комиссии 9-го числа февраля, между прочим прописывает<ся>, что камергер Двора Его Императорского Величества Пушкин 27-го числа генваря, по прочтении у графа Д'Аршиака собственноручной копии с письма, писанного им к министру Нидерландского Двора, объяснил все причины неудовольствия, но не пояснили, какие именно. А посему Комиссия, в дополнение вышесказанного вашего объяснения, просит объяснить противу сего подробно все те причины, которые господина Пушкина были неудовольствием.

Ответ: Александр Сергеевич Пушкин начал объяснение свое у г<осподина> Д'Аршиака следующим: получив письма от неизвестного, в коих он виновником почитал нидерландского посланника, и узнав о распространившихся в свете нелепых слухах, касающихся до чести жены его, он в ноябре месяце вызывал на дуэль г<осподи>на поручика Геккерена, на которого публика указывала. Но когда г<осподи>н Геккерен предложил жениться на свояченице Пушкина, тогда, отступив от поединка, он, однако ж, непременно условием требовал от г<осподи>на Геккерена, чтоб не было никаких сношений между двумя семействами. Невзирая на сие, г<оспода> Геккерены даже после свадьбы не переставали дерзким обхождением с женою его, с которою встречались только в свете, давать повод к усилению мнения поносительного как для его чести, так и для чести его жены. Дабы положить сему конец, он написал 26 января письмо к нидерландскому посланнику, бывшее причиною вызова г<осподина> Геккерена. За сим Пушкин, собственно для моего сведения, прочел и самое письмо, которое, вероятно, было уже известно секунданту г<осподина> Геккерена. Все сие узнал я 27 января, когда мы были у г<осподина> Д'Аршиака. Более же я ничего ни прежде, ни после от Пушкина не слышал. Других же доказательств к подтверждению я от него не потребовал, потому что, зная его всегда за человека правдивого, я словам его поверил.

Вопросный пункт составлял аудитор *Маслов*.
К сему объяснению
инженер-подполковник *Данзас* руку приложил.

При сем присутствовали
Корнет *Осоргин*
Корнет *Чичерин*
Поручик *Анненков*
Поручик *Шигорин*
Штабс-ротмистр *Балабин*
Ротмистр *Столыпин*
Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

МИНИСТЕРСТВА ВОЕННОГО
ДЕПАРТАМЕНТА АУДИТОРИАТСКОГО
КАНЦЕЛЯРИИ
Стола 2
№ 29

По Высочайшему повелению о предании военному суду Кавалергардского Ее Величества полка поручика барона Де-Геккерена

Началось 4 февраля 1837
Кончено 1837

На 3 листах

№ 851 4 февраля 1837

№ 69
2 февраля 1837 года
Санкт-Петербург

В Аудиториатский департамент Военного министерства

По поручению господина военного министра имею честь препроводить при сем в Аудиториатский департамент для дальнейшего по оному производства:

Копию с предписания, данного графом Александром Ивановичем <Чернышевым> командующему Отдельным Гвардейским корпусом генерал-адъютанту Бистрому, от 29 января, <за> № 61, с изъяснением Высочайшего повеления о предании военному суду Кавалергардского Ее Величества полка поручика барона Де-Геккерена и лиц, прикосновенных к дуэли, бывшей между ним и покойным камергером Пушкиным; и всеподданнейший рапорт генерал-адъютанта Бистрома о сем происшествии, за № 138.

Дежурный генерал Главного штаба
Его Императорского Величества генерал-адъютант *Клейнмихель*

Во 2-й стол. Барона Геккерена внести в список подсудимых*.
Иметь сие дело под особым наблюдением**.

* Помета карандашом, сделана рукою начальника отделения Шмакова. — *Примеч. изд.*

** Надпись карандашом, сделана рукою генерал-аудитора Ноинского. — *Примеч. изд.*

*Копия с отношения
г<осподина> военного министра командующему
Отдельным Гвардейским корпусом
от 29 января 1837 года, за № 61*

Государь Император по всеподданнейшему докладу <по> донесению вашего высокопревосходительства <за> № 129 о дуэли, происшедшей 27 <исла> сего января между поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Де-Геккереном и камергером Пушкиным, — Высочайше повелеть соизволил: судить военным судом как их, так равно и всех прикосновенных к сему делу, с тем, что ежели между ними окажутся лица иностранные, то, не делая им допросов и не включая в сентенцию суда, представить об них особую записку с означением токмо меры их прикосновенности.

О таковом Высочайшем повелении имею честь сообщить вам, милостивый государь, к надлежащему исполнению.

Верно. Надворный советник *Реслинг*

№ 138
29 января 1837
С.-Петербург

*Его Императорскому Величеству
командующего Отдельным Гвардейским корпусом*

рапорт

27-го числа сего января между поручиком Кавалергардского Ее Императорского Величества полка бароном Геккерен<ом> и камергером Двора Вашего Императорского Величества Пушкиным произошла дуэль, при которой поручик Геккерен ранен.

За каковой противозаконный поступок сего офицера, предписав судить его военным судом при л<ейб->г<вардии> Конном полку, арестованного, — долгом поставляю всеподданнейше донести о том Вашему Императорскому Величеству.

Генерал-адъютант *Бистром*

В сем деле писаных три листа.
Правитель канцелярии *Дыздарев*

Передать в Аудиториатский департамент. Этот рапорт разошелся с предписанием, данным вчерашнего числа, о сем же предмете 30 генваря*.

№ 1640. 12 марта 1837

№ 1912

11 марта 1837

В С.-Петербурге

Его превосходительству М. М. Брискорну

Начальник штаба Отдельного Гвардейского корпуса генерал-адъютант Веймарн имеет честь уведомить его превосходительство Максима Максимовича, для доклада его сиятельству графу Александру Ивановичу <Чернышеву>, что военно-судное дело о поручике бароне Геккерен<е> и подполковнике Данзасе препровождено сего числа от командующего Гвардейским корпусом в Аудиториатский департамент.

Генерал-адъютант *Веймарн*

Уведомить А. И. Ноинского, чтобы скорей было рассмотрено дело**.

№ 889

16 марта 1837

Санкт-Петербург

В Придворную контору

Аудиториатский департамент покорнейше просит оную Контору уведомить с сим же посланным, какое имел звание умерший от полученной на дуэли раны Пушкин — камер-юнкера или камергера Двора Его Императорского Величества.

Подписал генерал-аудитор *Ноинский*

Скрепил правитель канцелярии *Дыздарев*

Верно: столоничальник *Полторацкий*

* Помета карандашом, сделана рукою дежурного генерала генерал-адъютанта Клейнмихеля. — *Примеч. изд.*

** Помета карандашом статского советника Брискорна. — *Примеч. изд.*

Аудит<ориатский> № 1720.
Получ<ено> 16 марта 1837.

№ 1355
16 марта 1837
В С.-Петербурге

В Аудиториатский департамент Военного министерства

Вследствие отношения одного Департамента от сего 16 марта, за № 889, Придворная контора честь имеет уведомить, что умерший 29-го прошедшего генваря титулярный советник Александр Пушкин состоял при Высочайшем Дворе в звании камер-юнкера.

Советник *Иван Яников*
Секретарь *Иванов*

№ 46

Выписка, составленная в Аудиториатском департаменте Военного министерства из военно-судного дела, доставленного от командующего Отдельным Гвардейским корпусом г<осподина> генерал-адъютанта Бистрома, произведенного по Высочайшему повелению при л<ейб->гв<ардии> Конном полку над поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Де-Геккереном и инженер-подполковником Данзасом.

Слушана 16 марта 1837-го.

Кавалергардского Ее Величества полка поручик барон Де-Геккерен и состоящий при С.-Петербургской Инженерной команде по строительной Морской части полевой инженер-подполковник Данзас по Высочайшему Его Императорского Величества повелению 29 генваря сего года преданы военному суду: первый — за произведенную 27-го того генваря с камер-юнкером Двора Его Императорского Величества Александром Пушкиным дуэль, а последний — за нахождение при оной секундантом*.

После объяснения камергера князя Вяземского подсудимый Геккерен, объясняя, что он реляциею о происшедшей между ним и умершим камер-юнкером Пушкиным дуэли называет письмо, писанное секундантом его Д'Аршиаком к камергеру князю Вяземскому, потому, что в оном, как ему, Геккерену, известно, описано подробно условие

* В означенном Высочайшем повелении сказано, чтоб судить и Пушкина, но оный прежде, нежели было сделано о сем распоряжение, умер. — *Примеч. изд.*

дуэли и все происходившее на оной по всей справедливости. Далее на вопрос Военно-судной комиссии о том, в каких выражениях заключались письма его, Геккерена, писанные им к Пушкину или его жене, которые Пушкин в письме своем к нидерландскому посланнику барону Де-Геккерену называет дурачеством, какие именно были условия дуэли и на чьих пистолетах стрелялись, подсудимый Геккерен отозвался, что, посылая довольно часто к г<оспо>же Пушкиной книги и театральные билеты при коротких записках, полагает, что в числе оных находились некоторые, коих выражения могли возбудить его щекотливость как мужа, что и дало повод Пушкину упомянуть о них в своем письме от 26-го января к барону Де-Геккерену как дурачества, им (подсудимым) писанные; впрочем, упоминаемые записки и билеты были им посылаемы к г<оспо>же Пушкиной прежде, нежели он, Геккерен, был женихом <ее сестры>. Причем добавил, что пистолеты, из коих он, Геккерен, стрелял, были вручены ему, Геккерену, его секундантом на месте дуэли; Пушкин же имел свои.

Инженер-подполковник Данзас на предварительный допрос полковника Галахова и потом начально в Военно-судной комиссии объяснил: 1) что он обо всем предшествовавшем до 27 января ничего не знал и, бывая редко у камер-юнкера Пушкина, от него ничего о сношениях его с бароном Геккереном не слышал; и 2) что 27 января в час пополудни Пушкин, встретясь с ним, Данзасом, на цепном мосту, близ Летнего сада, и остановя его, предложил ему быть свидетелем разговора, какой он должен был иметь с Д'Аршиаком. Он, Данзас, не предугадывая никаких важных последствий, а тем менее дуэли, севши в сани Пушкина, отправился с ним. Во время пути Пушкин разговаривал с ним о предметах посторонних с совершенным хладнокровием. По прибытии к г<осподину> Д'Аршиаку, жившему в доме французского посольства, Пушкин сам приступил к объяснению причин, побудивших его с ним, Данзасом, соединиться, и когда прочитал собственноручную копию с письма, писанного им 26 января к министру Нидерландского Двора, то тогда только он, Данзас, узнал, что дело шло о дуэли и что вызов был со стороны Геккерена. Объяснив все причины неудовольствия, Пушкин встал и, сказав Д'Аршиаку, что он предоставляет ему, Данзасу, как секунданту своему, сговориться с ним, Д'Аршиаком, изъявив твердую волю, чтобы дело непременно было кончено того же дня. Д'Аршиак тут же спросил его, Данзаса, при Пушкине, согласен ли он принять на себя обязанность секунданта; и он, Данзас, после такого неожиданного предложения со стороны Пушкина, сделанного при секунданте с противной стороны, не мог отказаться от соучастия, тем более что Пушкин был с детства его, Данзаса, товарищем и приятелем; к тому же он имел намерение и надежду, хотя весьма слабую, к примирению. Затем, по отъезде Пушкина, первый вопрос его, Данзаса, к Д'Аршиаку был: «Нет ли

средств окончить дело миролюбно?» Но Д'Аршиак, представитель почитавшего себя обиженным Геккерена, вызвавшего Пушкина на дуэль, решительно отвечал, что никаких средств к примирению нет и предложил ему, Данзасу, постановить следующие условия: «Приехать соперникам в начале 5-го часа пополудни за Комендантскую дачу и стреляться там на пистолетах. Расстояние между соперниками назначить двадцать шагов, с тем, чтобы каждый мог делать пять шагов и подойти к барьеру. Никому не давать преимущества первого выстрела, но чтобы каждый дал по одному выстрелу когда угодно, на означенных пяти шагах до барьера, наблюдая, чтобы каждый стрелял друг в друга в одинаковом расстоянии; а в случае промахов с обеих сторон начать на тех же условиях». Наконец, когда к сим условиям Д'Аршиак присовокупил: «Не допускать никаких объяснений между противниками», — тогда и он, Данзас, согласившись на это, возразил, чтобы, во избежание новых каких-либо распрей, не дозволить им самим объясниться; но при всем том он, Данзас, имея еще в виду не упускать случая к примирению, предложил с своей стороны, чтобы в случае малейшей возможности секунданты могли объясняться за них. По окончании разговора с Д'Аршиаком он, Данзас, отправился к Пушкину, который тотчас послал за пистолетами, по словам его, на сей предмет уже купленными. В исходе 4-го часа они, Данзас и Пушкин, отправились на место дуэли, когда почти в одно время прибыли с соперниками, из коих Д'Аршиак тотчас приступил к измерению расстояния, а засим и ему, Данзасу, не оставалось ничего делать, как последовать его примеру. Барьер означен был шинелями секундантов; потом Д'Аршиак и он, Данзас, зарядили каждый свою пару пистолетов и вручили по одному противникам, которые по знаку его, Данзаса, в то же время начали сходить, и из них Геккерен, не доходя шага до барьера, выстрелил и ранил Пушкина, который и упал у самого барьера, и хотя они бросились было к нему на помощь, но Пушкин остановил Геккерена следующими словами: «Подождите, я чувствую в себе довольно силы, чтобы сделать свой выстрел», и когда Геккерен стал на свое место правым боком вперед, прикрывши грудь рукою, тогда он, Данзас, подал Пушкину другой пистолет, ибо бывший у него первый при падении его забился снегом, и Пушкин, опершись левою рукою на снег, выстрелом ранил Геккерена в руку, от чего и сей последний упал; Пушкин же, бросивши свой пистолет в сторону, сказал: «Браво!» Видя опасность раны Пушкина, он, Данзас, с Д'Аршиаком обратили на него все внимание: посадили его в сани и довели до Комендантской дачи — расстоянием с полверсты от места дуэли, а оттуда в карете он, Данзас, завезши Пушкина на его квартиру, немедленно отправился искать медиков. В заключение Данзас присовокупил, что при произведенной дуэли кроме него, Данзаса, и Д'Аршиака никого из сторонних не было, но сколько ему, Данзасу, известно, знал об ней

один только министр Нидерландского Двора барон Геккерен; в чем же сего последнего состояла прикосновенность, ему, Данзасу, неизвестно, ибо он и сам, как уже выше объяснено, в самый день дуэли быв неожиданно взят Пушкиным, ни о каких других свидетелях и участниках не знает и письменных удостоверений представить не может.

На второй же вопрос Военно-судной комиссии подполковник Данзас дополнил еще, что камер-юнкер Пушкин у Д'Аршиака начал свое объяснение следующим: получив письма от неизвестного, в коих он виновником почитал нидерландского посланника, и узнав о распространившихся в обществах нелепых слухах, касающихся до чести жены его, Пушкина, он в ноябре месяце вызывал на дуэль поручика Геккерена, на которого публика указывала; но когда Геккерен предложил жениться на свояченице его, Пушкина, тогда, отступив от поединка, он, однако ж, непременно условием требовал от Геккерена, чтоб не было никаких сношений между двумя семействами. Невзирая на сие, г<оспода> Геккерены даже после свадьбы не переставали дерзким обхождением с его, Пушкина, женою, с которою встречались только в обществах, давать повод к усиленно мнения поносительного — как для его чести, так и для чести его жены. Дабы положить сему конец, он написал 26 генваря письмо к нидерландскому посланнику, бывшее причиною вызова Геккерена. Засим Пушкин собственно для его, Данзаса, сведения прочел и самое письмо, которое, вероятно, было уже известно секунданту Геккерена. Все это он, Данзас, узнал 27 генваря, когда был с Пушкиным у Д'Аршиака; кроме же сего, он ни прежде, ни после ничего от Пушкина не слышал и других доказательств к подтверждению он от него не требовал потому, что, зная его всегда за человека справедливого, верил словам его.

Против сего поручик Де-Геккерен объяснил, что кто писал Пушкину безымянное письмо в ноябре месяце и после того — ему не известно. Слухов нелепых, касающихся до чести жены Пушкина, он никаких не распространял и опровергает то, что будто бы он, Геккерен, уклонился от дуэли чрез предложение свое жениться на свояченице Пушкина, что даже подтверждает письмо Пушкина к виконту Д'Аршиаку, где он говорит: «Прошу свидетелей сего дела смотреть на сей вызов как недействительный, узнавши стороною, что барон Геккерен решился жениться на девице Гончаровой после дуэли». Что же касается до его, Геккерена, обращения с г<оспо>жою Пушкиной, то, не имея никаких условий для семейных их сношений, он, Геккерен, думал, что был в обязанности кланяться и говорить с нею при встрече в обществе, как и с другими дамами, тем более что муж прислал ее к нему, Геккерену, в дом на его свадьбу, что, по мнению его, Геккерена, вовсе не означало, что все их сношения должны были прекратиться; в заключение Геккерен присовокупил, что обращение его с Пушкиной заключалось в одних только учтивостях, точно так, как выше сказано,

и не могло дать повода к усилению поносительных для чести обоих слухов и написать 26 генваря письмо к нидерландскому посланнику.

После сего подполковник Данзас при рапорте от 14 февраля на имя презуса Военно-судной комиссии, представляя полученную им от камергера князя Вяземского копию с письма Пушкина к Д'Аршиаку, писанную рукою сего последнего и оставленную им у князя Вяземского вместе с письмом о всем происходившем во время дуэли, — изъяснил, что содержание сего письма ясно доказывает, что утром в самый день поединка Пушкин не имел еще секунданта; и сие, он, Данзас, полагает, может служить к подтверждению показаний его в том, что он предварительно, до встречи с Пушкиным 27 генваря ни о чем не знал. К пояснению же обстоятельств, касающихся до выбора секунданта со стороны Пушкина, он, Данзас, прибавил еще о сказанном ему Д'Аршиаком после дуэли то, что Пушкин накануне несчастного дня, у графини Разумовской на бале предлагал г<осподину> Мегенсу, находящемуся при английском посольстве, быть свидетелем с его стороны, но сей последний отказался. Соображая ныне предложение Пушкина Мегенсу, письмо его к Д'Аршиаку и некоторые темные выражения в разговоре Пушкина с ним, Данзасом, когда они ехали на место поединка, он, Данзас, не иначе может пояснить намерения покойного, как тем, что по известному ему, Данзасу, и всем знавшим Пушкина коротко высокому благородству души его, он не хотел вовлечь в ответственность по собственному делу никого из соотечественников; и только тогда, когда вынужден был к тому противниками, он решился, наконец, искать его, Данзаса, как товарища и друга с детства, на самоотвержение которого он имел более права полагаться. После всего, что он, Данзас, услышал у Д'Аршиака из слов Пушкина, хотя вызов был со стороны Геккерена, он, Данзас, не мог не почитать избравшего его в свидетели тяжко оскорбленным в том, что человек ценит дороже всего в мире: в чести жены и собственной; оставить его в сем положении показалось ему, Данзасу, невозможным и он решил-ся принять на себя обязанность секунданта.

<...>

Сентенция

По указу Его Императорского Величества Комиссия военно-го суда, учрежденная при лейб-гвардии Конном полку над поручиком Кавалергардского Ее Величества полка поручиком бароном Де-Геккереном, камергером Двора Его Императорского Величества Александром Пушкиным и инженер-подполковником Данзасом, преданными суду по воле высшего начальства: первые двое — за произведенную 27-го числа минувшего генваря между ними дуэль, на которой Пушкин, будучи жестоко ранен, умер, а последний, Данзас, —

за нахождение при оной посредником или секундантом, — находит следующее: между подсудимыми камергером Пушкиным и поручиком бароном Де-Геккереном с давнего времени происходили семейные неприятности, так что еще в ноябре месяце прошлого года первый из них вызывал последнего на дуэль, которая, однако, не состоялась.

Наконец, Пушкин 26-го генваря сего года послал к отцу подсудимого Геккерена, министру Нидерландского Двора барону Геккерену письмо, наполненное поносительного <мнения> и обидными словами. В письме сем Пушкин, описывая разные неприличные поступки против жены его подсудимого Геккерена, называл их низостью и ничтожностью, <каковые> погасли в самом холодном презрении и заслуженном отвращении. Далее Пушкин, самого министра Геккерена называя представителем коронованной главы, изъяснился, что он родительски сводничал своему сыну и руководил неловким его поведением, внушал ему все заслуживающие жалости выходки и глупости, которые позволил себе писать, и, подобно старой развратнице, сторожил жену его, Пушкина, во всех углах, чтобы говорить с ней о любви к ней незаконнорожденного сына, и когда он оставался дома, больной венерической болезнью, говорил, что умирает от любви к ней, бормотал ей возратить ему его. В заключение Пушкин, изъясняя желание, чтобы Геккерены оставили дом его и <поручик барон Геккерен> не говорил жене его казарменные каламбуры, назвал его подлецом и негодяем. Министр нидерландский барон Геккерен, будучи оскорблен помещенными в сем письме изъясненными словами, того ж числа написал от себя к Пушкину письмо с выражениями, показывающими прямую готовность к мщению, для исполнения коего избрал сына своего, подсудимого поручика барона Геккерена, который на том же <письме> сделал собственноручную одобрительную надпись. Письмо сие передано было Пушкину чрез находящегося при французском посольстве графа Д'Аршиака, который настоятельно требовал удовлетворения оскорбленной чести баронов Геккеренов. По изъясленному на сие Пушкиным согласно, назначена между ним и подсудимым Геккереном дуэль, к коей секундантами или посредниками избраны были со стороны Пушкина инженер-подполковник Данзас, а от Геккерена помянутый граф Д'Аршиак, выехавший уже, как из дела видно, за границу. Дуэлисты и секунданты по условию 27 генваря в 4 часа вечера прибыли на место назначения, лежащее по Выборгскому тракту, за Комендантскою дачею, в рощу. Между секундантами положено было стреляться соперникам на пистолетах в расстоянии 20 шагов — так, чтобы каждый имел право подойти к барьеру на 5 шагов и стрелять по сопернику, не ожидая очереди. После сего секунданты, зарядив по паре пистолетов, отдали по одному из них противникам, которые по сделанному знаку тотчас начали сходитьсь. Первый выстрелил Геккерен и ранил Пушкина так, что

сей упал, но, несмотря на сие, Пушкин, переменяв пистолет, который засорился снегом, другим в свою очередь тоже произвел выстрел и ранил Геккерена, но неопасно. На сем поединке кончился, и как соперники, так и посредники их возвратились по домам, где Пушкин, как выше значит<ся>, от раны умер.

По формулярным и кондуктным спискам показано: подсудимому, инженер-подполковнику Данзасу, от роду 37 лет, из дворян, сын генерал-майора; в службу поступил из Императорского Царскосельского Лицея прапорщиком 1817 <года,> ноября 7-го, подпоручиком <1>819 <года,> апреля 26-го, поручиком <1>823 <года,> декабря 2-го, штабс-капитаном <1>828 <года,> января 1-го, капитаном <1>828 <года,> августа 30-го, подполковником <1>836 <года,> января 28-го; в походах и домовых отпусках находился, в штрафах не бывал; к повышению чина всегда аттестовался; имеет орден Св. Владимира 4 степени с бантом, серебряные медали, в память походов против персиян 1826, 1827 и 1829 <годов> и за Турецкую войну 1828 и 1829 года установленные, и золотую полусаблю с надписью «За храбрость». Поручику барону Геккерену от роду 25 лет, из воспитанников французского Королевского военного училища Сант-Сир, при вступлении в службу корнетом 1834 <года>, февраля 8-го, на верноподданство России не присягал. Поручиком <стал> 1836 <года>, января 28-го, в походах, домовых отпусках, в штрафах и арестах не бывал, к повышению чина аттестовался достойным.

Комиссия военного суда, соображая все вышеизложенное, подтвержденное собственным признанием подсудимого поручика барона Геккерена, находит как его, так и камергера Пушкина виновными в произведении строжайше запрещенного законами поединка, а Геккерена и в причинении <от> пистолетных выстрелов Пушкину раны, от коей он умер, — приговорила подсудимого поручика Геккерена за таковое преступное действие по силе 139-го артикула Военского сухопутного устава* и других, под выпискою подведенных, законов** — повесить, каковому наказанию подлежал бы и подсудимый камергер Пушкин, но, как он уже умер, то суждение его за смертью

* См. с. 215 наст. изд. — *Примеч. ред.*

** Под «другими законами» составители обвинительного заключения и приговора подразумевали прежде всего соответствующий указ императора Петра I («Всем обретающимся в России и выезжающим иностранным поединков ни с каким оружием не иметь, и для того никого не вызывать и не выходить; а кто, вызвав на поединок, ранит, тому учинена будет смертная казнь; ежели ж кто, и не быв на поединке, поссорясь, вынет какое оружие, на другого замахнется, у того по розыску отсечена будет рука»), а также Манифест о поединках Екатерины II, обнародованный 21 апреля 1787 года. Этот документ также категорически запрещал подданным Российской империи и пребывающим на ее территории иностранцам вызывать друг друга на дуэль и принимать подобные вызовы. — *Примеч. ред.*

прекратить. А подсудимого подполковника Данзаса, хотя он и объясняет Комиссии, что, при изъявлении согласия быть посредником при вышеобъясненном происшествии, спрашивал секунданта с противной стороны графа Д'Аршиака, не имеет<ся> ли средств к примиренно ссорящихся миролюбно, которой отозвался, что нет никаких, но как не поступил по всей силе 142-го воинского артикула*, не донес заблаговременно начальству о предпринимаемом ими злом умысле и тем допустил совершиться дуэли и самому убийству, которое отклонить еще были способы, — то его, Данзаса, по долгу верноподданного не исполнившего своей обязанности, по силе 140-го воинского артикула** повесить. Каковой приговор подсудимым поручику барону Геккерену и инженер-подполковнику Данзасу объявить, и объявлен, а до воспоследования над ними конфирмации на основании доклада генерал-аудитора князя Салагова от 18 июля 1802 года содержать под строгим караулом.

В прочем таковой свой приговор представляет на благоусмотрение высшего начальства.

Заключен в С.-Петербурге февраля 19-го дня 1837 года.

Корнет *Осоргин*

Корнет *Чичерин*

Поручик *Анненков*

Поручик *Шигорин*

Штабс-ротмистр *Балабин*

Ротмистр *Столыпин*

Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

Аудитор *Маслов*

Записка

составленная Комиссиею военного суда, учрежденною при лейб-гвардии Конном полку во исполнение Высочайшей воли, объявленной Комиссии по команде о мере прикосновенности к дуэли, бывшей 27-го числа минувшего генваря между камергером Пушкиным и поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Геккереном, иностранных лиц.

Кто именно:

Министр нидерландский барон Геккерен.

* См. с. 215 наст. изд. — *Примеч. ред.*

** См. там же. — *Примеч. ред.*

МЕРА ПРИКОСНОВЕННОСТИ:

По имеющемуся в деле письму убитого на дуэли камергера Пушкина видно, что сей министр, будучи вхож в дом Пушкина, старался склонить жену его к любовным интригам с своим сыном, поручиком Геккереном. По показанию подсудимого инженер-подполковника Данзаса, основанном на словах Пушкина, поселял в публике дурное о Пушкине и жене его мнение насчет их поведения, а из собственного его, барона Геккерена, письма, писанного к камергеру Пушкину в ответ на вышепомянутое его письмо, выражениями оного показывал прямую готовность к мщению, для исполнения коего избрал сына своего, подсудимого поручика барона Геккерена.

КТО ИМЕННО:

Состоящий при французском посольстве Д'Аршиак, выехавший уже за границу.

МЕРА ПРИКОСНОВЕННОСТИ:

По имеющимся в деле собственноручным его письмам и показаниям подсудимых поручика барона Геккерена и инженер-подполковника Данзаса, находился со стороны Геккерена при произведенной им с камергером Пушкиным дуэли секундантом или посредником и в настоятельном требовании со стороны Пушкина секунданта.

КТО ИМЕННО:

Находящийся при английском посольстве господин Мегенс.

МЕРА ПРИКОСНОВЕННОСТИ:

По показанию подсудимого инженер-подполковника Данзаса, сообщенному ему секундантом подсудимого поручика барона Геккерена гр<афом> Д'Аршиаком, о имевшей место быть между камергером Пушкиным и поручиком бароном Геккереном дуэли знал накануне, по случаю приглашения его первым на бале у графини Разумовской со стороны своей быть свидетелем оной.

Корнет *Осоргин*

Корнет *Чичерин*

Поручик *Анненков*

Поручик *Шигорин*

Штабс-ротмистр *Балабин*

Ротмистр *Столыпин*

Флигель-адъютант полковник *Бреверн I*

Аудитор *Маслов*

№ 952

19 марта 1837

Санкт-Петербург

*В Правительствующий Сенат
военного министра*

рапорт

Генерал-аудиториат по рассмотрении военно-судного дела, произведенного над поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Егором Де-Геккереном, нашел его виновным в противозаконном вызове камер-юнкера Двора Его Императорского Величества Александра Пушкина на дуэль и в нанесении ему на оной смертельной раны. К чему было поводом то, что Пушкин, раздраженный поступками Геккерена, клонившимися к нарушению семейственного его спокойствия, и дерзким обращением с женою его, написал к отцу его, Геккерена, министру Нидерландского Двора барону Геккерену письмо с оскорбительными для чести их обоих выражениями. А потому Генерал-аудиториат, соображаясь с воинским 139-м артикулом и Свода законов, тома XV, статьею 352-ю, полагал: его, Геккерена, за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина, лишив чинов и приобретенного им российского дворянского достоинства, написать в рядовые с определением на службу по назначении Инспекторского департамента. С снм заключением поднесен был Государю Императору от Генерал-аудиториата всеподданнейшие доклад, на котором в 18-й день сего марта последовала собственноручная Его Величества Высочайшая конфирмация:

«Быть посему; но рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты».

Сделав распоряжение по воинской части о приведении сей Высочайшей конфирмации в надлежащее исполнение, имею честь донести об оной Правительствующему Сенату.

Подписал военный министр *граф Чернышев*

Скрепил генерал-аудитор *Ноинский*

Верно: Столоначальник *Иванов*

№ 2171

19 марта 1837

В С.-Петербурге

К делу

*В Аудитор<иат>ский департамент
Военного министерства*

На основание предписания г<осподина> военного министра от 18-го сего марта, за № 932, имею честь уведомить Аудиториатский департамент, что Высочайшая конфирмация, последовавшая того числа по военно-судному делу о поручике Кавалергардского Ее Императорского Величества полка бароне Геккерене и инженер-подполковнике Данзасе приведена в действительное исполнение сего ж числа. Подсудимые по объявлении им означенной конфирмации отправлены: первый — к дежурному генералу Главного штаба Его Императорского Величества для дальнейшего распоряжения о высылке его за границу; а последний — к коменданту С.-Петербургской крепости для выдержания его под арестом в крепости на гауптвахте два месяца, с тем, чтобы по миновании сего срока обращен он был по-прежнему на службу в свое ведомство.

Начальник штаба генерал-адъютант *Веймарн*
Обер-аудитор *Тихоцкий*